

ФРЭНК ТОРРЕС

НУЛЕВОЙ

СВИДЕТЕЛЬ

Нулевой свидетель

Фрэнк Торрес

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Шум времени

Глава 2. Выход из сумрака

Глава 3. Американский след

Глава 4. Пепел Уэйко

Глава 5. Сеть

Глава 6. Тень профиля

Глава 7. Буква закона

Глава 8. Европейский фронт

Глава 9. Желтые звезды

Глава 10. Нулевой свидетель

Пролог

Монтажная комната на минус первом этаже телецентра казалась застрявшей в прошлом. Илья ненавидел это ощущение — будто здесь остановилось само время.

В свои тридцать пять он чувствовал себя таким же реликтом, как и громоздкие деки для кассет Betacam SP, выстроенные в стойку по правую руку от него. Семь лет назад его документальный фильм о коррупции в региональных судах взял два приза на европейских фестивалях. Ему пророчили блестящее будущее, называли новым голосом расследовательской журналистики. А потом случилась реальность. Фильм лег на полку, герои расследования получили повышения, а Илья получил негласный запрет на профессию в серьезных медиа. Иллюзии сгорели быстро, оставив после себя лишь цинизм и ипотеку. Теперь он снимал корпоративные фильмы для агрохолдингов и монтировал ностальгические ретроспективы.

Текущий заказ был именно таким: «Телевизионные войны девяностых». Стриминговая платформа хотела получить шесть серий жвачки для миллениалов — кричащие ведущие, малиновые пиджаки, экстрасенсы, заряжающие воду, и политики, дерущиеся в прямом эфире. Работа не требовала ни ума, ни таланта. Только усидчивости.

Илья нажал пробел на клавиатуре. На правом мониторе вспыхнула рябь, затем появилось зернистое изображение. Ток-шоу 1996 года. Тема — новые религиозные движения. В студии стоял гвалт. Женщина в нелепой мохеровой кофте кричала в микрофон, какой-то депутат размахивал руками. Илья смотрел на это со скукой патологоанатома. Он уже собирался поставить таймкод для нарезки, когда камера взяла крупный план человека в зрительном зале.

Мужчина с бородой. Взгляд цепкий, уверенный. В титрах внизу экрана мелькнуло: «Александр Дворкин, эксперт». Мужчина произнес несколько фраз о тоталитарных сектах, о промывании мозгов, о скрытой угрозе. Слова звучали тяжело, веско, контрастируя с истерикой остальных участников.

Илья сделал пометку и загрузил следующий файл. Оцифровка новостного сюжета 1999 года. Репортаж из провинциального города. Пикет возле какого-то здания. И снова в кадре появляется тот же человек. Борода стала чуть длиннее. Титр: «Александр Дворкин, профессор». Риторика та же: угроза, враги, необходимость жестких мер.

«Бывает», — подумал Илья, отхлебывая холодный кофе. В те годы одни и те же «эксперты» кочевали из передачи в передачу, заполняя эфирный вакуум.

Он открыл папку с материалами за 2004 год. Программа о безопасности. В студии сидят люди в погонах, чиновники. И среди них — снова он. Тот же человек. Теперь он сидит не в зале, а в кресле главного гостя. Его слушают. С ним соглашаются.

Илья выпрямился. Сонливость как рукой сняло. Он открыл поисковую базу архива и вбил фамилию. Система задумалась на несколько секунд, а затем выдала сотни результатов. 1994, 1997, 2001, 2006, 2009, 2014...

Менялись эпохи. Уходили в небытие телеканалы. Менялись президенты, мода, качество пленки, формат кадра с 4:3 на 16:9. Менялись враги государства. Но этот человек оставался. Он словно был вшит в саму ткань телевизионной реальности. Сначала как голос из толпы. Затем как приглашенный гость. Затем как непререкаемый авторитет.

Илья начал открывать видео одно за другим. Он смотрел не на суть программ, он смотрел на эволюцию влияния. Он видел, как слова, впервые произнесенные этим человеком в дешевых студиях девяностых, спустя годы превращались в заголовки газет. Как термины, которые он вбрасывал в эфир, постепенно

перекочевывали в речи прокуроров и депутатов. Как искусственно созданный страх обретал плоть и кровь, превращаясь в судебные приговоры и сломанные жизни.

В тишине монтажной комнаты гудели жесткие диски. Илья смотрел на экраны, и внутри него просыпалось давно забытое чувство. То самое, из-за которого он когда-то пришел в документалистику. Ощущение прикосновения к скрытой, пульсирующей вене времени.

Он понял, что перед ним не просто история одного удачливого телевизионного спикера. Перед ним была хроника захвата реальности. Кто-то методично, год за годом, внедрял в общественное сознание определенный код. Код разделения и ненависти.

Илья перевел взгляд на старую профессиональную видеокамеру, пылящуюся на полке. Объектив смотрел на него темным стеклянным глазом.

Камера. Она ничего не придумывает. Она не имеет мнения. Она просто фиксирует свет и тень. Десятилетиями эти пленки лежали в архивах, молчаливые и беспристрастные. Они были нулевыми свидетелями. Они видели всё с самого начала, но ждали, пока кто-нибудь задаст правильный вопрос.

Илья закрыл проект «Телевизионные войны». Он создал новую папку на рабочем столе. Пальцы на мгновение зависли над клавиатурой, а затем быстро набрали: «Нулевой свидетель».

Глава 1

Шум времени

Свет от двух широких мониторов выхватывал из полумрака

студии лицо Ильи, превращая его в бледную маску. На левом экране бесконечной лентой тянулась монтажная шкала — таймлайн, расчерченный разноцветными блоками видеофрагментов. На правом застыл стоп-кадр из телевизионной передачи начала девяностых. Качество оцифровки оставляло желать лучшего: по краям изображения дрожала характерная для формата VHS цветовая бахрома, а лица людей в студии казались размытыми пятнами.

Илья нажал на пробел. Звук, пропущенный через старые студийные мониторы, ударил по ушам резким, почти истеричным диссонансом. Это был типичный телевизионный эфир того времени — шумный, хаотичный, лишенный всякой модерации. Люди в безразмерных пиджаках и ярких свитерах перекрикивали друг друга, размахивали руками, вскакивали с мест. Ведущий с микрофоном на длинном шнуре метался между рядами, словно рефери на ринге, где правила отменили за секунду до начала боя.

Но Илья смотрел не на ведущего. Его взгляд был прикован к человеку, сидевшему в первом ряду зрительного зала. Мужчина с бородой, в строгом костюме, резко контрастирующем с пестрой толпой. Он сидел неподвижно, выжидая. И когда микрофон наконец оказался у него, хаос в студии на мгновение стих. Мужчина заговорил. Его голос не срывался на крик, как у остальных. Он звучал тяжело, безапелляционно, с агрессивным напором, который мгновенно подавлял любые попытки возразить.

Илья остановил воспроизведение и записал в блокнот дату эфира. Это был уже четырнадцатый фрагмент за ночь. Четырнадцатое появление Александра Дворкина в телевизионных архивах, которые Илья смог вытащить из цифровых баз данных.

Профессиональная привычка документалиста требовала систематизации. Илья открыл пустую таблицу и начал выстраивать хронологию. Он вбивал даты, названия программ, имена ведущих и темы обсуждений. Поначалу это казалось случайной выборкой. Ну, пригласили человека на ток-шоу. Ну, выступил он резко. В девяностые на телевидении хватало

городских сумасшедших, экстрасенсов, целителей и радикальных политиков. Эфирное время нужно было чем-то заполнять, и редакторы тащили в кадр всех, кто мог обеспечить рейтинг через скандал.

Однако по мере заполнения таблицы Илья начал замечать закономерность. Первичное появление этого человека в российских медиа носило откровенно маргинальный характер. Это были дневные развлекательные шоу, программы сомнительного качества, где обсуждали инопланетян, порчу и криминальные разборки. Дворкин появлялся там как экзотический гость. Его подача была агрессивной, риторика — бескомпромиссной. Он не вел диалог, он выносил приговоры.

Но затем происходило нечто странное. Илья проследил, как менялся статус гостя. Спустя несколько месяцев после крикливых ток-шоу тот же самый человек появлялся уже в вечерних новостных выпусках. Затем — в серьезных аналитических программах. Из «голоса из толпы» он трансформировался в «приглашенного эксперта», а затем — в непререкаемого авторитета, чье мнение подавалось как истина в последней инстанции.

Илья отпил остывший кофе, не сводя глаз с таблицы. Чтобы понять, как это стало возможным, нужно было погрузиться в контекст эпохи. Девяностые годы в России были временем тотального слома. Россия начала девяностых представляла собой территорию абсолютного хаоса. Распад Советского Союза оставил после себя колоссальный идеологический вакуум. Семьдесят лет государственного атеизма закончились, рухнула вся привычная система координат. Русская Православная Церковь вышла из подполья, но была дезориентирована, ей не хватало ресурсов и кадров. И на фоне этой растерянности, после падения железного занавеса, в страну хлынули новые религиозные движения со всего мира.

Люди, потерявшие сбережения, работу, страну и веру в завтрашний день, оказались один на один с пугающей свободой.

Общество находилось в состоянии перманентной тревоги. Страх перед неизвестным висел в воздухе, осязаемый и плотный. И именно этот страх стал идеальной питательной средой для формирования образа нового врага.

Илья выделил в таблице март 1993 года. Именно тогда, согласно архивным записям, в телевизионном эфире впервые прозвучало словосочетание «тоталитарная секта».

Он нашел этот фрагмент. Качество звука было ужасным, пленка «сыпалась», но слова звучали отчетливо. Термин был вброшен в аудиторию не в ходе научной дискуссии, не на академической конференции религиоведов или социологов. Он прозвучал в телевизионной студии, среди софитов и кричащей толпы.

Илья отмотал видео назад и прослушал фразу еще раз. «Тоталитарная секта». В этом словосочетании была гениальная в своей разрушительности простота. Оно не требовало доказательств. Оно само по себе являлось приговором. Слово «тоталитарная» мгновенно отсылало травмированное постсоветское сознание к недавнему прошлому, к репрессиям, контролю и подавлению личности. Слово «секта» будило иррациональный, хтонический страх перед чужаками, перед тайными ритуалами и скрытой угрозой.

Соединив эти два слова, человек, сделавший этот термин частью публичного антикультового языка, создал идеальный телевизионный вирус. Илья наблюдал на своих мониторах, как этот вирус начал распространяться. Внедрение термина происходило именно через развлекательные ток-шоу. Редакторы быстро поняли, что словосочетание отлично работает на удержание внимания. Оно пугает. Оно заставляет зрителя прильнуть к экрану.

Сначала термин использовали только в присутствии самого Дворкина. Затем, спустя полгода, Илья нашел запись, где ведущий произносит эти слова уже самостоятельно, как нечто

само собой разумеющееся. Еще через год термин переключался в лексикон региональных журналистов. А к 1996 году он зазвучал из уст чиновников и депутатов. Язык формировал реальность. То, что родилось как агрессивный ярлык в маргинальном телеэфире, постепенно обрело статус юридической и социальной нормы.

Илья открыл новую папку. В ней лежал файл, который он искал несколько часов, продираясь через мертвые ссылки и заброшенные форумы. Видеозапись программы «Времечко» от 16 апреля 1996 года.

Программа выходила в прямом эфире и пользовалась широкой популярностью. Это была квинтэссенция народной журналистики девяностых — смесь криминальных сводок, бытовых драм и политических скандалов. Илья развернул видео на весь экран.

В кадре появился титр: «Сотрудник Патриархии, доктор богословия Александр Дворкин».

Илья внимательно взгляделся в лицо на экране. В нем не было ни тени сомнения, ни капли академической отстраненности. Это было лицо человека, который точно знает, что он делает. Корреспондент за кадром задал вопрос о сотрудничестве с зарубежными организациями. Ответ последовал незамедлительно. Илья прибавил громкость, вслушиваясь в интонации.

«Я — американский гражданин! У меня американский паспорт. И у меня все американское образование!» — голос Дворкина звучал с нескрываемым превосходством, почти с вызовом.

Корреспондент попытался уточнить: «С какой организацией Вы сотрудничаете прежде всего?»

«Она называется сокращенно CAN. Это Cult Awareness Network. Это сеть по распознаванию культов», — ответил гость студии.

Журналист, явно подготовившийся к интервью, задал неудобный вопрос: «А как же ее темное прошлое?»

Дворкин парировал мгновенно, не меняя выражения лица, заявив, что не стал бы их осуждать.

Илья поставил видео на паузу. Лицо на экране застыло. В этой короткой перепалке было скрыто гораздо больше, чем казалось на первый взгляд. 1996 год. Россия отчаянно пытается найти свой путь, разрываясь между советским наследием и западными ценностями. И в этот момент в прайм-тайм выходит человек, который открыто козыряет американским паспортом и американским образованием, используя их как индульгенцию, как знак высшего качества. Для аудитории того времени это работало безотказно. Американский диплом воспринимался как гарантия экспертности.

Но Илью зацепило другое. Уверенность, с которой этот человек держался в кадре. Он не оправдывался. Он нападал. Формирование образа врага в этих ранних эфирах строилось исключительно на агрессии и безапелляционности. Зрителю не оставляли пространства для сомнений. Ему говорили: враг уже здесь, он у ваших дверей, он охотится за вашими детьми, и только мы знаем, как его распознать.

Илья откинулся от стола и потер уставшие глаза. Цифровой след был впечатляющим. Хронология выстраивалась в четкую линию. Но чего-то не хватало.

Цифровые архивы, оцифрованные кассеты, выложенные в сеть записи эфиров — все это показывало лишь конечный результат. Это была витрина. Илья видел, что именно транслировалось на миллионы экранов. Но он не видел, как это попадало в эфир.

Телевидение — это сложный производственный процесс. Ни один человек, даже самый харизматичный, не может просто прийти с улицы и занять место в прайм-тайм. Его должен кто-то пригласить. Его кандидатуру должен утвердить гостевой редактор.

Тему должен одобрить шеф-редактор. Выпуск должен подписать генеральный продюсер.

Если первичное появление Дворкина было маргинальным, почему его продолжали звать? Почему агрессивная, конфликтная риторика, которая обычно отпугивает серьезных рекламодателей и солидных спикеров, здесь получала зеленый свет? Рейтинги? Возможно. Но Илья слишком хорошо знал телевизионную кухню, чтобы верить в одни лишь рейтинги. За каждым постоянным экспертом всегда стояла чья-то воля.

Чтобы понять природу этой воли, цифрового поиска было недостаточно. Интернет помнил только картинку. Настоящая история телевидения хранилась не на серверах. Она хранилась на бумаге. В пыльных папках, в журналах учета гостей, в режиссерских верстках, испещренных пометками, исправлениями и резолюциями.

Илья достал телефон и пролистал список контактов. Ему нужен был человек из прошлого. Тот, кто помнил, как работала система до эпохи тотальной цифровизации. Он нашел номер, подписанный «Матвеич Звук». Матвеич был настоящей легендой, звукорежиссером, который сводил звук еще на первых советских ток-шоу, а в нулевых ушел на пенсию, сохранив связи со всеми архивариусами телецентра.

Гудки шли долго. Наконец на том конце раздался хриплый, прокуренный голос:

— Да, Илюха. Какими судьбами?

— Матвеич, здравствуй. Мне нужна помощь. Ты помнишь, куда вывезли бумажные архивы одного из старых телевизионных проектов девяностых, когда его архивы растащили по складам?

В трубке повисла пауза. Было слышно, как Матвеич затягивается сигаретой.

— Бумагу? А кому она сейчас нужна? Все же оцифровали, что представляло ценность.

— Мне нужны не эфиры. Мне нужны гостевые книги. Верстки. Редакторские журналы за девяносто третий — девяносто шестой годы.

— Господи, Илья. Это же макулатура. Ее вывезли на склады в промзону за МКАДом. Там ангары старые, они их арендовали за копейки. Я не уверен, что это вообще не сгнило или не пошло на растопку.

— У тебя остался контакт человека, который за это отвечает?

— Был какой-то завхоз... Михалыч, кажется. Я поищу номер. Но учти, там черт ногу сломит. Никакой каталогизации. Просто горы коробок.

Через час Илья уже ехал по Северо-Восточной хорде, направляясь за пределы кольцевой автодороги. Ноябрьское утро было серым и промозглым. Мелкий дождь со снегом размазывался по лобовому стеклу.

Промзона встретила его ржавыми воротами, стаями бродячих собак и запахом жженой резины. Ангар, номер которого прислал Матвеич, выглядел заброшенным. Краска на гофрированном металле облупилась, окна под самой крышей были затянуты грязной пленкой.

Завхоз Михалыч оказался угрюмым стариком в ватнике. Получив от Ильи несколько купюр, он молча отпер тяжелый навесной замок и с трудом отодвинул створку ворот.

— Свет только в первой секции, — буркнул он. — Дальше с фонариком. Коробки по годам вроде подписаны были, но грузчики кидали как попало. Ищи сам. Я закрою снаружи, чтоб не дуло. Как закончишь — стучи в железо.

Дверь с лязгом закрылась, отрезав Илью от уличного шума. Внутри стоял тяжелый, спертый запах старой бумаги, мышиного помета и сырости. Это был запах мертвого времени.

Илья включил мощный светодиодный фонарь. Луч выхватил

из темноты бесконечные ряды стеллажей, заставленных картонными коробками. Некоторые из них просели от влажности, другие были порваны. Это было кладбище телевизионных амбиций, забытых скандалов и стертых из памяти лиц.

Он двинулся вдоль рядов, вглядываясь в выцветшие маркерные надписи на картоне. «Бухгалтерия 1998», «Договоры подряда 1995», «Письма зрителей». Ему понадобилось около сорока минут, чтобы найти нужный сектор. В самом дальнем углу ангара, где температура была немногим выше уличной, громоздились коробки с надписью «Редакция. Ток-шоу. Гостевые».

Илья стянул верхнюю коробку. Она была тяжелой. Внутри плотными стопками лежали общие тетради, скоросшиватели и папки-регистраторы. Он достал первую папку. На обложке значилось: «Сентябрь-Декабрь 1993».

Он опустился прямо на бетонный пол, подстелив кусок картона, и открыл папку. Внутри были подшиты машинописные листы — сценарные планы передач. Справа от печатного текста шли широкие поля, предназначенные для рукописных пометок редакторов и режиссеров.

Илья начал методично пролистывать страницы. Его интересовали конкретные даты, которые он выписал из своей цифровой таблицы. Он искал те самые эфиры, где впервые обкатывалась антикультовая риторика.

Первая находка случилась в папке за ноябрь 1994 года. Это была верстка популярного дневного шоу. Тема выпуска: «Опасные пророки». В списке гостей значились психологи, представители милиции, пара обманутых граждан. И четвертым пунктом — знакомая фамилия.

Илья поднес фонарь ближе к странице. Напротив фамилии Дворкина, синей шариковой ручкой, размашистым почерком гостевого редактора было написано: «Сложный спикер. Перебивает». А чуть ниже, красными чернилами, явно другой

рукой, более мелким и жестким почерком была добавлена резолюция: «Оставить. Поручение руководства».

Сердце Ильи забилося быстрее. Он отложил эту папку и лихорадочно начал вскрывать следующие коробки, выискивая 1995 и 1996 годы. Пыль летела в лицо, руки испачкались в типографской краске и грязи, но он не замечал этого.

Он нашел журнал учета гостей за весну 1996 года. Тот самый период, когда в эфир вышло «Времечко» и другие знаковые программы. Илья листал плотные страницы, исписанные разными почерками.

Вот эфир от 12 февраля. Тема: «Новые религии». Напротив фамилии эксперта красная пометка: «Навязано сверху. Обеспечить максимум времени».

Вот эфир от 3 апреля. Пометка на полях сценарного плана: «Режиссеру: брать крупным планом. Не перебивать. Согласовано с генпродюсером».

Вот запись от 28 мая. В графе «Обоснование приглашения» редактор честно написал: «Тема скучная, спикер тяжелый». И поверх этого текста жирный красный крест и надпись: «В эфир обязательно. Распоряжение сверху».

Илья сидел на холодном полу заброшенного ангара, окруженный горами старой бумаги. Тишину нарушало только его собственное дыхание и редкий шорох мышей в дальнем углу.

Он смотрел на эти красные чернила, впитавшиеся в пожелтевшую бумагу почти тридцать лет назад. Цифровой мир обманывал. Он создавал иллюзию естественного хода вещей. Глядя на экраны мониторов, можно было подумать, что общество само выбрало себе героя, что агрессивная риторика стала популярной, потому что отвечала запросам времени.

Но бумага не врала. Бумага сохранила следы грубого, ручного управления.

Присутствие этого человека в эфире, внедрение термина

«тоталитарная секта», формирование образа врага — все это не было случайностью. Это не было результатом телевизионной конкуренции или погони за рейтингами. Это была целенаправленная, методичная кампания. Кто-то обладал достаточным ресурсом и властью, чтобы звонить в редакции крупнейших телеканалов и диктовать списки гостей. Кто-то заставлял редакторов ломать верстки и ставить в прайм-тайм человека, который пугал аудиторию, эксплуатируя ее тревожность.

Илья провел пальцем по красной надписи «Навязано сверху». Чернила давно высохли, но слова словно пульсировали в свете фонаря.

Кто был этим «верхом» в хаосе девяностых? Кто оплачивал этот эфирный банкет страха? И главное — зачем кому-то понадобилось искусственно конструировать врага в стране, которая и без того стояла на краю пропасти?

Илья аккуратно закрыл папку. Воздух в ангаре казался ледяным, но внутри него разгоралось холодное, расчетливое пламя. Он пришел сюда за подтверждением телевизионной истории, а нашел документальные следы масштабной психологической операции. Операции, которая началась три десятилетия назад и, судя по всему, так и не закончилась.

Он поднялся на ноги, отряхнул джинсы от пыли и посмотрел на бесконечные ряды коробок, уходящие во тьму. Где-то там, среди тонн забытой макулатуры, скрывались имена тех, кто отдавал эти распоряжения. Тех, кто стоял за камерами. Тех, кто дергал за ниточки, пока страна замороженно смотрела в экраны телевизоров, впитывая каждое слово о новой, невидимой угрозе.

Илья выключил фонарь. В наступившей абсолютной темноте тишина стала почти физической. Он развернулся и пошел к металлическим воротам, чтобы постучать в железо. Ему нужно было возвращаться в город. Настоящее расследование только начиналось.

Глава 2

Выход из сумрака

Серый ноябрьский рассвет с трудом пробивался сквозь плотную пелену облаков, когда Илья выехал за пределы Московской кольцевой автодороги. Шины его кроссовера монотонно шуршали по влажному асфальту Новорижского шоссе. Позади осталась бессонная ночь в архивах, запах старой бумаги и пыльных видеокассет. Впереди лежала дорога в Истринский район, к человеку, который долгие годы определял, что именно будет смотреть страна в вечерний прайм-тайм.

Вадим Сергеевич Ростоцкий в начале двухтысячных был фигурой почти мифической. Шеф-редактор дирекции общественно-политического вещания одного из крупнейших федеральных каналов, он решал судьбы телевизионных проектов одним росчерком пера. Его боялись, его расположения искали. А в 2011 году он внезапно исчез с радаров. Официальная версия гласила: «уход на заслуженный отдых по состоянию здоровья». Неофициальная, гулявшая в кулуарах Останкино, шептала о жестком конфликте с некими влиятельными структурами, после которого Ростоцкий предпочел добровольное изгнание в своем загородном доме, полностью оборвав связи с медийным миром.

Илья свернул на заправку, чтобы взять кофе. Пока кофемашина гудела, он открыл ноутбук. Ему нужно было еще раз структурировать информацию, прежде чем задавать вопросы.

Ночные поиски в бумажных архивах дали ему понимание того, как агрессивная риторика внедрялась в эфир в девяностые. Но девяностые закончились. Наступила эпоха нулевых — время стабилизации, вертикали власти и наведения порядка.

Телевидение изменилось. Оно стало причесанным, дорогим и системным. Маргинальные крикуны исчезли с экранов, уступив место солидным аналитикам в дорогих студиях.

Илья вывел на экран документ, который нашел под утро в электронных базах правовой информации. Это был водораздел. Точка невозврата.

Приказ Минюста № 53 от 18 февраля 2009 года утверждал порядок проведения государственной религиоведческой экспертизы и положение об Экспертном совете по проведению государственной религиоведческой экспертизы. Илья вчитывался в сухие канцелярские формулировки, за которыми скрывалась колоссальная власть бюрократического механизма. Документ наделял этот орган правом рекомендовать проверки при регистрации религиозных общин, оценивать соответствие их деятельности уставу и выносить суждения об «экстремизме» организации, ее членов или литературы.

Для любого документалиста, работавшего с правозащитной тематикой, смысл этих строк был предельно ясен. Это был мандат на легальное уничтожение. В правовом государстве подобный шлюз должен контролироваться кристально чистыми профессионалами, независимыми учеными с безупречной академической репутацией. Потому что их подпись решала всё: будет ли организация существовать, или ее члены отправятся под каток судебных тяжб, обысков и уголовных сроков.

Илья прокрутил текст приказа до раздела, регламентирующего состав совета. Там было четко и недвусмысленно указано: совет должен формироваться из государственных служащих, ученых-религиоведов и специалистов в области отношений государства и религиозных объединений.

А затем он открыл приложение к приказу — список утвержденного состава.

Председатель Совета — Александр Леонидович Дворкин.

Илья смотрел на экран, и холодный утренний свет

отражался в мониторе. Субъект, не являющийся государственным служащим. Субъект, не имеющий профильного светского образования религиоведа, признанного в России. Человек, чья биография не имела ничего общего с академическим, беспристрастным изучением государственно-конфессиональных отношений. Он просто не проходил ни по одному из критериев их же собственного приказа.

Но бюрократический парадокс с полным несоответствием должностным критериям был лишь ничтожной формальностью. 2009 год стал переломным моментом в судьбе демократических реформ и религиозных свобод в России. Именно тогда телевизионный конструкт, годами нагнетавший панику с экранов, слился с государственной машиной. Государственный орган, наделенный колоссальной властью, правом стигматизировать любые организации и ломать судьбы миллионов людей, официально возглавил человек, чья риторика строилась на агрессии и поиске врагов. Вся эта бюрократическая машина Министерства юстиции фактически передала скальпель в руки идеолога антикультизма, легализовав его методы на федеральном уровне.

Илья захлопнул ноутбук. Кофе остыл, став горьким и неприятным. Он завел мотор и вернулся на трассу. Ему нужно было узнать, как именно телевизионный эксперт превратился в председателя государственного совета. И Ростоцкий был тем человеком, который стоял у истоков этой трансформации.

Поселок встретил Илью трехметровыми заборами из зеленого профнастила и камерами видеонаблюдения на каждом столбе. Навигатор привел его к глухим кованым воротам. Илья набрал номер. Спустя минуту ворота бесшумно отъехали в сторону, открывая вид на просторный участок, засаженный взрослыми соснами, и большой дом из темного кирпича.

На крыльце стоял мужчина. Он сильно сдал по сравнению с теми временами, когда его лицо мелькало на страницах глянцевого журнала в светской хронике. Ростоцкий похудел, его

волосы превратились в редкую седую щетину, а на плечах висел объемный, грубой вязки свитер. Но глаза остались прежними — цепкими, холодными, сканирующими собеседника насквозь.

— Вы пунктуальны, Илья, — вместо приветствия сказал Ростоцкий, когда документалист поднялся на крыльцо. Голос бывшего редактора звучал глухо, с легкой хрипотцой курильщика. — Проходите. В доме холодно, котел барахлит со вчерашнего дня.

Они прошли через просторный холл в кабинет, обшитый темным деревом. Вдоль стен тянулись стеллажи с книгами, на массивном дубовом столе царил идеальный порядок. Никаких фотографий с телезвездами или политиками, никаких наградных статуэток ТЭФИ, которых у Ростоцкого было не меньше трех. Словно он методично стер свое прошлое.

Илья расстегнул куртку и достал из рюкзака компактную камеру, собираясь закрепить ее на небольшом штативе.

— Что это? — голос Ростоцкого резко изменился, став жестким, почти металлическим.

— Камера. Мы же договаривались об интервью...

— Мы договаривались о разговоре, — отрезал хозяин дома. Он шагнул вперед и накрыл объектив ладонью. — Никаких камер. Никаких диктофонов. Уберите это в рюкзак, Илья. Иначе вы сейчас же уедете.

Илья замер. Он привык к тому, что чиновники или бизнесмены просят согласовывать вопросы, но перед ним стоял человек, который сам создал современное телевидение. Человек, который не боялся никого.

— Вадим Сергеевич, я снимаю документальный проект. Мне нужна картинка. Мне нужно ваше свидетельство.

— Мое свидетельство на камеру станет моим приговором, — Ростоцкий убрал руку, но не отступил. — Вы не понимаете, куда лезете. Вы думаете, что снимаете ностальгическую документалку

про забавные девяностые и нулевые? Про то, как мы формировали сетку вещания?

— Я знаю, что я снимаю, — тихо ответил Илья, убирая камеру обратно в рюкзак. Он достал обычный бумажный блокнот и ручку. — Я был в архивах. Я видел гостевые верстки. Я видел пометки красным маркером. Я знаю, что списки экспертов спускались сверху. Я приехал спросить — кем?

Ростоцкий тяжело опустился в кожаное кресло по ту сторону стола. Он долго смотрел на Илью, словно взвешивая, стоит ли вообще продолжать этот разговор. В тишине кабинета было слышно, как за окном ветер раскачивает ветви сосен.

— Вы думаете, я боюсь государства? — наконец произнес Ростоцкий, доставая из ящика стола пачку сигарет. Он закурил, не спрашивая разрешения. Сизый дым поплыл под потолок. — Государство — это машина. Она неповоротлива, она работает по регламентам. С ней можно договориться. Я боюсь не государства. Я боюсь сети.

— Какой сети? — Той самой, которую мы своими руками помогли им выстроить, — Ростоцкий горько усмехнулся. — В начале нулевых перед нами стояла задача: успокоить общество. Девяностые вымотали всех. Людям нужна была стабильность, понятная картина мира. Понятные друзья и понятные враги. И тут появляются они. Люди в строгих костюмах, с правильной речью, с благословениями и связями. Они предложили нам готовый продукт. Идеального врага. Невидимого, коварного, посягающего на самое святое — на умы наших детей, на наши традиционные ценности.

Илья делал короткие пометки в блокноте.

— Вы говорите о Дворкине и его структурах?

— Я говорю о целой индустрии, Илья. В какой-то момент звонки из высоких кабинетов стали регулярными. Нам прямо говорили: тема сект должна звучать. Этот эксперт должен присутствовать. Если в регионе конфликт с какой-то общиной —

туда должна лететь съемочная группа, и комментарий должен давать только один конкретный центр.

— Но почему именно он? — Илья поднял взгляд от блокнота. — В стране были академики, доктора наук, социологи религии. Почему эфир отдали человеку с агрессивной риторикой?

Ростоцкий стряхнул пепел в массивную хрустальную пепельницу.

— Потому что академики скучные. Они говорят сложно, используют термины, сомневаются, предлагают посмотреть на проблему с разных сторон. Телевидению не нужны сомнения. Телевидению нужна кровь, эмоция, страх и четкий приговор. Дворкин давал приговор. Он не дискутировал. Он клеймил. Для рейтингов это было идеально. А для тех, кто стоял за ним — это был способ зачистить поле.

— Зачистить поле для чего?

— Для монополии, — Ростоцкий подался вперед. — Вы читали приказ Минюста от 2009 года?

— Читал сегодня утром. Экспертный совет.

— Вот именно. Вы думаете, это произошло случайно? Это был венец многолетней медийной кампании. Сначала вы создаете панику в эфире. Вы убеждаете население, что кругом враги. Затем вы предлагаете себя в качестве единственного спасителя. И государство, реагируя на «общественный запрос», который вы же сами и сформировали через наши телеканалы, наделяет вас официальными полномочиями.

Ростоцкий затушил сигарету и посмотрел Илье прямо в глаза.

— Я помню один закрытый фуршет после записи большого ток-шоу в 2006 году. Мы стояли в кулуарах. Кто-то из молодых редакторов, еще не потерявших совесть, спросил Дворкина, не смущает ли его, что академическое сообщество не признает его методы и его статус эксперта. Знаете, что он ответил? Я запомнил

эту фразу на всю жизнь. Он улыбнулся, отпил минеральной воды и сказал: «Я понял, что эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают».

Илья перестал писать. В кабинете повисла тяжелая, звенящая тишина.

«Я понял, что эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают».

В этой короткой фразе заключалась вся суть наступившей эпохи. Эпохи постправды. Знания, дипломы, исследования, научная методология — все это теряло смысл. Экран телевизора стал главным валидатором реальности. Если тебя приглашают в прайм-тайм, если на тебя направлены софиты, если твое имя пишут в титрах с приставкой «профессор» — ты становишься им в глазах миллионов. Телевидение создало голема, наделило его авторитетом, а затем этот голем шагнул с экрана в реальную жизнь, в кабинеты министерств, в залы судов, требуя реальной крови.

— Эта фраза, — медленно произнес Илья, — это ключ ко всей их медийной стратегии. Они взломали систему доверия.

— Именно, — кивнул Ростоцкий. — Они поняли, что не нужно побеждать в научных диспутах. Нужно просто захватить микрофон. А когда микрофон оказался у них, они начали диктовать условия.

Бывший шеф-редактор встал из-за стола и подошел к окну.

— Вы спрашивали, почему я ушел. И почему я не хочу говорить на камеру. В 2010 году мы готовили расследование о рейдерском захвате недвижимости в одном из регионов. Обычная криминальная история. Но в ней оказались замешаны люди, тесно связанные с антикультовыми центрами. Они использовали обвинения в «сектантстве» как предлог для изъятия зданий у независимых общин. Я попытался пустить это в эфир.

Ростоцкий замолчал, глядя на раскачивающиеся сосны.

— Что произошло? — тихо спросил Илья. — Ко мне пришли. Не бандиты. Очень вежливые люди в хороших костюмах. Они положили мне на стол досье. На меня, на мою семью, на счета моей жены за границей. И они объяснили мне, что если сюжет выйдет, я стану не просто безработным. Я стану «пособником деструктивных сил». Они уничтожают репутацию так же легко, как мы с вами пьем кофе. У них есть свои карманные журналисты, свои блогеры, свои эксперты в погонах. Это спрут, Илья. И если вы наступите ему на щупальце, он вас сожрет. Я выбрал пенсию и тишину.

Илья смотрел на сгорбленную спину человека, который когда-то казался ему всемогущим. Страх Ростюцкого не был паранойей стареющего отставника. Это был холодный, рациональный страх человека, который видел изнанку системы и понимал ее истинную силу.

— Если вы так боитесь, зачем вы вообще согласились со мной встретиться? — спросил Илья.

Ростюцкий медленно повернулся. В его глазах мелькнуло что-то похожее на отчаяние, смешанное с остатками профессиональной гордости.

— Потому что я старею. И потому что иногда по ночам мне снятся люди, чьи жизни были сломаны после наших эфиров. Я не могу говорить на камеру. Мое лицо не должно появиться в вашем фильме. Но я могу дать вам направление.

Он подошел к книжному шкафу, потянул за корешок массивной энциклопедии, и часть стеллажа бесшумно отошла в сторону, открывая встроенный в стену сейф. Ростюцкий набрал код. Металлическая дверца щелкнула.

Вместо пачек денег или слитков золота бывший телевизионный босс достал оттуда обычную картонную коробку из-под офисной бумаги, плотно обмотанную прозрачным скотчем. Она выглядела тяжелой.

Ростюцкий подошел к столу и поставил коробку перед Ильей.

— Я забрал это, когда уходил. Здесь нет государственных тайн. Здесь нет приказов с гербовыми печатями. Но здесь есть кое-что поважнее. Здесь черновая бухгалтерия эфиров. Копии электронных писем. Распоряжения от структур, которые официально не имеют никакого отношения к телевидению, но которые оплачивали банкет.

Илья провел рукой по гладкому скотчу.

— Что именно здесь? — Доказательства того, что антикультовая повестка не была стихийной. Она финансировалась и направлялась конкретными фондами и организациями. Вы найдете там сметы на проведение региональных кампаний. Вы увидите, как формировались бюджеты на «информационное сопровождение» судебных процессов против неугодных общин. Вы увидите фамилии людей, которые переводили деньги за то, чтобы в прайм-тайм прозвучало слово «секта» в привязке к конкретному бизнес-конкуренту или независимому объединению.

Ростоцкий достал из кармана канцелярский нож и протянул его Илье.

— Вскрывают. Посмотрите сами.

Илья взял нож. Лезвие с сухим треском разрезало скотч. Он откинул картонные створки. Внутри плотными рядами лежали пластиковые папки-уголки, набитые распечатками, ксерокопиями и рукописными заметками. Запахло старым тонером от принтера и пылью.

Он наугад вытащил одну из папок. На ней стояла маркировка: «Екатеринбург. Проект Очищение. 2007».

Илья открыл папку. Первым лежал лист формата А4 — распечатка электронного письма. Отправитель был скрыт за корпоративным адресом некоего благотворительного фонда. Получатель — один из заместителей Ростоцкого.

Текст гласил: «Коллеги, направляем вам фактуру по общине

в Свердловской области. Задача: подготовить специальный репортаж для итоговой программы. Акценты: скрытая угроза, психологическое насилие, финансовые махинации. Синхроны (интервью) брать строго по утвержденному списку. Главным спикером выступает А.Л. Дворкин (запись организуем в московской студии в четверг). Местные эксперты не требуются. Бюджет на командировочные расходы и спецтехнику подтвержден, транш пройдет через ИП Смирнов по договору оказания консультационных услуг. Эфир должен состояться не позднее 15 ноября, так как 18 ноября назначена прокурорская проверка по нашему заявлению. Информационный фон должен быть готов».

Илья перечитал текст дважды. Это был не просто заказной сюжет. Это была детально проработанная технология уничтожения. Сначала формируется информационный фон — на всю страну транслируется репортаж, где людей клеймят опасными сектантами. Эксперт в московской студии, ни разу не бывавший в этой общине, выносит безапелляционный приговор. А через три дня, на волне искусственно созданного общественного возмущения, к людям приходят силовики. Сценарий выходит на финальную стадию. Телевидение выступает в роли артиллерийской подготовки перед зачисткой территории.

Он перевернул страницу. Дальше шли сметы. Оплата скрытых камер, гонорары «пострадавшим» свидетелям, оплата гостиниц для съемочной группы. И в самом низу — сумма, переведенная на счет регионального антикультового центра за «сбор первичной информации».

— Это же готовые уголовные дела, — прошептал Илья, поднимая глаза на Ростюцкого. — Статья за клевету, незаконное вмешательство в деятельность религиозных организаций, финансовые махинации...

— Это готовые уголовные дела только в том случае, если есть независимый суд и независимая пресса, — холодно ответил Ростюцкий. — А когда те, кто заказывает эти сюжеты, сидят в

одних кабинетах с теми, кто потом проводит проверки... Это называется государственной политикой.

Бывший редактор подошел к двери кабинета и открыл ее, давая понять, что аудиенция окончена.

— Забирайте коробку, Илья. Изучайте. Но помните: как только вы начнете задавать вопросы людям, чьи фамилии там фигурируют, вы станете мишенью. Они не прощают тех, кто лезет в их бухгалтерию и их методы.

Илья аккуратно закрыл коробку, поднял ее со стола. Она оттягивала руки, словно была наполнена свинцом.

— Спасибо, Вадим Сергеевич.

— Не благодарите. Возможно, вы еще проклянете тот день, когда приехали сюда.

Илья вышел из дома. Ветер усилился, бросая в лицо мелкую, колючую снежную крошку. Он подошел к машине, открыл пассажирскую дверь и бережно поставил коробку на сиденье.

Сев за руль, он не спешил заводить двигатель. В салоне было холодно, изо рта вырывались облачка пара. Илья смотрел на картонный ящик.

Его расследование, начавшееся как скучный монтаж старых телевизионных архивов, только что пересекло невидимую черту. Он больше не изучал историю медиа. Он держал в руках документальные свидетельства работы теневой структуры, которая годами финансировала ненависть, ломала судьбы и конструировала реальность под свои нужды.

Он потянулся к коробке, приоткрыл крышку и достал еще один документ. Это был протокол закрытого совещания региональных руководителей антикультовых центров, датированный концом 2008 года — за несколько месяцев до того самого приказа Минюста № 53.

Илья включил салонный свет. Желтоватая лампа выхватила из полумрака машинописный текст. В третьем абзаце,

выделенном жирным шрифтом, значилось:

«Необходимо форсировать переход от общественной деятельности к интеграции в государственные структуры. Информационная база подготовлена. Общество осознает угрозу. Следующий этап — получение официального статуса экспертов при органах юстиции. Это позволит нам перейти от рекомендательных мер к прямому запретительному воздействию на деструктивные организации на всей территории Российской Федерации».

Бумага в руках Ильи слегка дрожала. Это не было случайностью. Это не было стечением обстоятельств или бюрократической ошибкой. Это был планомерный, хладнокровный захват власти над умами и жизнями людей. И они добились своего.

Илья выключил свет в салоне, погрузив машину в темноту. Он повернул ключ зажигания. Двигатель глухо зарычал, фары разрезали серую пелену ноябрьского дня. Ему предстояло проделать огромную работу. Каждая бумажка в этой коробке была нитью, ведущей к конкретным людям, конкретным трагедиям и конкретным деньгам. И чтобы распутать этот клубок, ему придется потянуть за каждую из них, даже если на другом конце окажутся те, кто привык оставаться в тени.

Глава 3

Американский след

Скоростной поезд «Сапсан» почти бесшумно разрезал свинцовое ноябрьское утро, унося Илью прочь от Москвы. За двойным стеклом иллюминатора мелькали заснеженные поля

Тверской области, черные остовы деревьев и редкие полустанки, утопающие в серой мгле. Илья смотрел на свое бледное отражение в окне и методично прокручивал в голове план действий.

Его расследование вышло за пределы телевизионных архивов. Бумаги, полученные накануне, ясно дали понять: чтобы осознать масштаб происходящего в настоящем, необходимо спуститься на самый базовый уровень прошлого. Телевизионный образ бескомпромиссного борца за умы сограждан, человека в строгом костюме, вещающего с экранов о морали и угрозах, был лишь финальным продуктом. Фасадом. Илье нужно было найти фундамент, на котором этот фасад был возведен. Ему нужно было понять, кем был этот человек до того, как на него направили студийные софиты.

Целью поездки был Санкт-Петербург. Там, в лабиринтах Васильевского острова, жил Лев Борисович Коган — историк-религиовед, специалист по русской эмиграции в Северной Америке и один из немногих академических исследователей, кто профессионально занимался историей Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке. Илья нашел его контакты через закрытые форумы архивистов. Коган не давал интервью прессе, презирал телевизионные ток-шоу и общался исключительно с теми, кто был готов работать с первоисточниками.

На Московском вокзале Петербурга Илью встретил пронизывающий ветер с Финского залива. Город казался монохромным, словно старая фотография, выцветшая от времени. Илья поймал такси и назвал адрес. Машина долго петляла по узким улицам, зажатым между обшарпанными фасадами доходных домов, пока не остановилась у массивных чугунных ворот.

Квартира Льва Борисовича располагалась на третьем этаже старого фонда. Это было классическое жилище петербургского интеллигента: высокие потолки с потрескавшейся лепниной и бесконечные стеллажи, прогибающиеся под тяжестью книг.

Хозяин квартиры оказался сухим, жилистым мужчиной лет шестидесяти пяти, с цепким взглядом поверх очков в роговой оправе. Он провел Илью в кабинет, усадил в глубокое кожаное кресло и молча налил чай в тонкие фарфоровые чашки.

— Вы написали мне, что занимаетесь документальным исследованием раннего периода жизни Александра Дворкина, — начал Коган, садясь напротив. Его голос был тихим, но каждое слово звучало отчетливо. — И вас интересует американский след. Почему именно он?

— Потому что официальная биография кажется мне слишком гладкой, — ответил Илья, доставая блокнот. — В ней есть лакуны. Человек уезжает из Советского Союза, оказывается в США, учится у выдающихся богословов, а затем возвращается в Россию и становится главным инквизитором от телевидения. Я хочу понять, что происходило в промежутках.

Коган усмехнулся, отпив чай.

— Официальная биография, изложенная в его книге «Моя Америка», — это блестящий образец ретроспективного конструирования личности. Автор создает нарратив, в котором он предстает ищущим истину диссидентом, страдающим от советского режима. Но если мы обратимся к документам и хронологии, картина становится, мягко говоря, иной.

Историк поднялся, подошел к одному из стеллажей и вытянул толстую картонную папку с завязками.

— Давайте начнем с точки отсчета. С того момента, когда формируется поведенческая база. 1976 года. Москва.

Коган развязал тесемки и достал несколько листов с выписками.

— В это время будущий эксперт оказывается в периоде между случайными заработками, больничной работой и жизнью в полулегальной хипповской среде. В официальной версии это подается как часть его сложного жизненного пути. Но, если читать

другие материалы и сопоставлять их с поздними интервью, этот отрезок выглядит куда менее благополучно. Это период скитаний, конфликтов с советской системой и жизни на границе социальной нормы.

Илья сделал пометку в блокноте.

— Бродяжничества? В Советском Союзе за это была статья. Тунеядство.

— Именно, — кивнул Коган. — И чтобы избежать уголовного преследования, нужно было уметь мимикрировать. В этот период он погружается в субкультуру хиппи, так называемую «Систему». Там он сближается с человеком по имени Толя Вайнберг, известным в тусовке как Толик-Виннету. Это не просто юношеский бунт, Илья. Это время формирования специфических навыков выживания.

Историк прошелся по кабинету, заложив руки за спину.

— Понимаете, жизнь в маргинальном подполье семидесятых требовала колоссальной изворотливости. Нужно было постоянно менять маски, манипулировать людьми, находить ночлег, доставать деньги и вещества, избегая при этом милиции. В этот период мы фиксируем у субъекта патологический интерес к пограничным состояниям. Он учится использовать людей как ресурс. Он систематически прибегает к подмене личности, сообщая ложные сведения о себе потенциальным жертвам — людям уязвимым, зависимым, лишенным социальной защиты. Это тактика маскировки идентичности.

— Вы хотите сказать, что его телевизионный образ — это просто еще одна маска? — спросил Илья.

— Я хочу сказать, что навыки социальной мимикрии и манипуляции, которые он оттачивал в подвалах и на вписках в 1976 году, никуда не исчезли. Они просто были перенесены на другой, более высокий уровень. Но чтобы вы поняли это не с моих слов, а услышали сами, я приготовил для вас кое-что особенное.

Коган подошел к массивному письменному столу, на котором стоял современный ноутбук, подключенный к качественным студийным мониторам.

— В 1979 году, вскоре после эмиграции в Соединенные Штаты, наш герой дал большое интервью. Это было в рамках академического проекта «Recent Soviet Immigrants in America» — «Недавние советские эмигранты в Америке». Проект курировала Линн Виссон, известная исследовательница и переводчица. Транскрибация и сама аудиозапись хранятся в Архиве устной истории имени Уильяма Э. Винера американского еврейского комитета.

Историк кликнул мышкой, открывая аудиофайл.

— Официальная биография рисует нам образ человека, который страдал за свои убеждения. А теперь послушайте, что этот человек говорил о себе сам, находясь в безопасности, в Америке, когда ему еще не нужно было строить из себя православного богослова.

Коган нажал на воспроизведение.

Из колонок раздался характерный аналоговый шум старой магнитной ленты. Затем зазвучал женский голос, задающий вопрос на русском языке с легким акцентом. Илья подался вперед. Он ожидал услышать знакомый, тяжелый, безапелляционный баритон, который сотни раз слышал в телевизионных архивах.

Но голос, ответивший интервьюеру, был совершенно другим.

Это был голос молодого, расслабленного человека. В нем сквозила вальяжность, легкая бравада и абсолютное отсутствие той жесткой, агрессивной уверенности, которая станет его визитной карточкой в нулевых. Голос звучал так, словно человек сидел на кухне, курил и небрежно рассказывал о своих похождениях. Разница была настолько разительной, что Илья на секунду усомнился, тот ли это человек. Но интонационные паттерны, специфическое построение фраз выдавали его с

головой. Это был он. Просто без брони.

Женский голос на записи спросил: «Вопрос: Лично вам случалось быть в психиатрических больницах?»

Илья затаил дыхание, вслушиваясь в ответ. Голос из 1979 года произнес четко, без малейшего стеснения: «Ответ Дворкина: Сначала я пошёл туда сам, потому что не хотел идти в армию. Я тогда ещё учился в университете, но понимал, что моя учёба скоро закончится, и решил таким образом избежать призыва. А потом ещё два раза меня уже доставляли туда с милицией».

Коган поставил запись на паузу и посмотрел на Илью.

— Никакого диссидентства. Никакой борьбы с режимом. Банальное уклонение от призыва через симуляцию психиатрического диагноза.

Он снова нажал на пробел. Запись продолжилась. Голос на пленке рассказывал о том, как его забирали в милицию за тунеядство, потому что он нигде не работал. Он буднично, почти с гордостью описывал, как его били, и как он, имея при себе лезвие, порезал себе запястье, чтобы избежать последствий.

Затем интервьюер перешла к вопросам о досуге. Она спросила, чем занимались люди в его кругу, когда собирались вместе.

Ответ прозвучал мгновенно, с ленивой усмешкой: они употребляли наркотики. На уточняющий вопрос о том, где в Советском Союзе можно было их достать, голос из прошлого пустился в подробные объяснения. Он рассказывал о логистике поставок гашиша из Азии, с Кавказа и из Крыма. А затем совершенно спокойно добавил, что тяжелые наркотические вещества они доставали непосредственно из больниц, пользуясь доступом к специальным медицинским запасам.

Илья вспомнил выписку об увольнении из больницы № 67. Пазл начал обретать пугающие очертания. Работа санитаром была не просто способом заработать на жизнь. Это был доступ к

ресурсу.

Голос на записи продолжал вещать. Он рассказывал о том, что вся их компания считалась психически больными, и поэтому вместо уголовного наказания их помещали в психиатрические клиники примерно на год. Он описывал это не как трагедию карательной психиатрии, а как своеобразные правила игры. А затем прозвучала фраза, от которой Илье стало не по себе. Сравнивая свою новую жизнь в Америке с прошлым в СССР, человек на пленке пожаловался, что в Штатах у него гораздо меньше свободного времени. В Союзе же, по его собственным словам, время принадлежало ему, и он постоянно находился в состоянии наркотического опьянения, «кайфовал», чего в Америке он себе позволить уже не мог.

Коган выключил запись. В кабинете повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь тиканьем старых настенных часов.

— Вы понимаете, что мы сейчас слышали? — тихо спросил историк.

— Я услышал исповедь маргинала, — ответил Илья, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Человека, который симулировал сумасшествие, резал вены, употреблял тяжелые наркотики, воровал их из больниц и наслаждался этим образом жизни.

— Именно, — Коган сел обратно в кресло. — А теперь сопоставьте этот аудиальный документ с тем образом, который этот же человек транслирует сегодня. Образ морального авторитета. Защитника традиционных ценностей. Эксперта, который решает, какая религиозная группа имеет право на существование, а какая является «деструктивной».

Илья смотрел на черный экран монитора.

— Как произошла эта трансформация? Как бродяга из 1976 года превратился в профессора?

Коган пододвинул к себе чистый лист бумаги и взял

перьевую ручку.

— Для этого нам нужно проанализировать американский период его жизни. Исходя из фактов, изложенных в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», в Америке он не просто обновился из бродяги-наркомана в студента-богослова. Для него период в США был инкубатором. Там он изучил каждую деталь своего будущего камуфляжа. Он анализировал психологию верующих так же, как когда-то наблюдал за пациентами в больнице. Он понял иерархию, распределение ролей, болевые точки церковной системы. Он научился быть «своим», оставаясь чужим.

Историк нарисовал на бумаге круг и написал внутри: «Свято-Владимирская семинария».

— В Нью-Йорке он попадает в совершенно иную среду. Это не подвалы московских хиппи. Это интеллектуальная элита русской эмиграции. И здесь мы выявляем ключевой, повторяющийся паттерн в его биографии. Паттерн прикрепления к авторитетным фигурам.

Коган провел от круга две линии. На конце одной он написал «Александр Шмеман», на конце другой — «Иоанн Мейендорф».

— Протопресвитер Александр Шмеман был деканом семинарии. Фигура колоссального масштаба, интеллектуал, богослов с мировым именем. Наш субъект, не имея собственного академического веса, начинает выстраивать свою идентичность через близость к Шмеману. Он позиционирует себя как его ученика, доверенное лицо. В своей автобиографии он постоянно ссылается на частные беседы с деканом, которые, разумеется, невозможно проверить.

— Заимствованный авторитет, — произнес Илья. — Если ты стоишь рядом с великим человеком, часть его величия падает на тебя.

— Совершенно верно. Социальная мимикрия высшего порядка. Но самое интересное происходит дальше. В 1983 году

Александр Шмеман умирает. Для обычного ученика это трагедия. Для нашего субъекта — это необходимость срочно искать новый источник легитимации. И он мгновенно переключается.

Коган постучал колпачком ручки по второму имени.

— Иоанн Мейендорф. Выдающийся патролог, историк церкви. После смерти Шмемана субъект прикрепляется к нему. Он использует статус Мейендорфа для получения академических степеней, для продвижения в эмигрантской среде. Он буквально питается их авторитетом, выстраивая свой собственный фундамент.

Илья записывал каждое слово. Картина, которую рисовал Коган, была пугающей в своей прагматичности. Это не было историей духовного перерождения. Это была история хладнокровного, расчетливого конструирования новой личности.

— Смерть авторитетных фигур в его окружении вообще играет странную роль, — задумчиво продолжил Коган, глядя в окно на темнеющее петербургское небо. — Когда человек, к которому он прикреплен, уходит из жизни, субъект не теряет позиций. Наоборот, смерть наставника становится для него «окном возможностей». Мертвые не могут опровергнуть твои слова. Мертвые не могут сказать: «Я этого не говорил» или «Ты искажаешь мои идеи». После смерти Шмемана и Мейендорфа субъект получил монопольное право интерпретировать их наследие в своих интересах, прикрывая их именами свою собственную, весьма специфическую деятельность.

— Вы упомянули Толика-Виннету, — вспомнил Илья. — Того самого хиппи из Москвы. Какова его роль в американском периоде?

— О, это еще один штрих к портрету, — Коган достал из папки еще один лист. — Толя Вайнберг эмигрировал раньше. И именно он прислал нашему субъекту приглашение в США. В Нью-Йорке они снова встречаются. И здесь происходит интересная вещь. Вайнберг к тому времени крестился и стал православным.

Субъект, который до этого был абсолютно равнодушен к религии, видит эту трансформацию. И вскоре сам принимает крещение.

— Снова мимикрия? — Адаптация к среде. Он понимает, что в эмигрантских кругах Нью-Йорка принадлежность к православной церкви открывает двери. Это социальный лифт. Религия становится для него не вопросом веры, а инструментом интеграции и получения статуса. Инкубатор сработал идеально. Америка дала ему язык, дипломы, связи и безупречный камуфляж.

Коган закрыл папку и посмотрел на Илью долгим, изучающим взглядом.

— Вы ищете истоки его влияния, Илья. Вы думаете, что сила в его идеях. Но правда в том, что у него нет собственных идей. Он — пустота, которая принимает форму сосуда, в который ее наливают. В семидесятых он был маргиналом, потому что это позволяло выживать в советском андеграунде. В восьмидесятых он стал консервативным богословом, потому что это давало статус в эмиграции. А когда он вернулся в Россию в девяностых, он понял, что обществу, травмированному распадом страны, нужен враг. И он стал тем, кто этого врага профессионально конструирует.

Илья закрыл блокнот. Голова гудела от обилия информации. Контраст между аудиозаписью 1979 года и телевизионной реальностью был невыносимым.

— Могу я получить копию этой аудиозаписи? — спросил документалист.

— Я скину вам файл на почту, — кивнул Коган. — Но будьте осторожны, Илья. Вы прикасаетесь к биографии человека, который потратил десятилетия на то, чтобы переписать свое прошлое. Люди, обладающие такой степенью адаптивности и лишенные эмпатии, крайне болезненно реагируют, когда кто-то срывает с них маски.

Спустя час Илья вышел из парадной на набережную

Лейтенанта Шмидта. Петербург окончательно погрузился в ночную тьму. Ледяной ветер с Невы пробирал до костей, заставляя поднять воротник куртки.

Илья достал телефон, вставил в уши беспроводные наушники и открыл файл, который только что прислал ему Коган.

Он пошел вдоль гранитной набережной, глядя на черную, тяжелую воду реки. В наушниках снова зашипела старая магнитная лента.

«...Сначала я пошёл туда сам, потому что не хотел идти в армию...»

Голос молодого циника, хвастающегося своими манипуляциями с карательной психиатрией, звучал прямо в голове Ильи. Он шел мимо величественных зданий Академии художеств, мимо сфинксов, застывших в вечном молчании, и слушал, как человек, ставший впоследствии главным моральным арбитром огромной страны, буднично рассказывает о краже тяжелых наркотиков из больничных запасов.

Илья остановился у парапета. Черная вода Невы билась о гранит, словно пытаясь вырваться из каменных берегов.

Он вытащил телефон и открыл браузер. Вбил знакомую фамилию. На экране мгновенно появились десятки фотографий. Строгий костюм. Окладистая борода. Тяжелый, пронизывающий взгляд из-под очков. Заголовки статей кричали об угрозе духовной безопасности, о необходимости жестких мер, о спасении заблудших душ.

Илья смотрел на эти фотографии, а в наушниках продолжал звучать расслабленный голос из 1979 года: «...там я всё время кайфовал, а здесь — нет».

Два совершенно разных человека. Две непересекающиеся реальности.

Илья оперся руками о холодный гранит. Ветер бросал в лицо мелкие брызги. Он понял, что Коган был абсолютно прав. Это не

было историей раскаяния или духовного роста. Это была история идеального хищника, который нашел идеальную среду обитания. Хищника, который понял, что самая надежная маска — это маска праведника, а самый эффективный способ скрыть свои собственные грехи — это начать яростно обвинять в них других.

Аудиозапись закончилась, оставив после себя лишь ровное, мертвое шипение пустой пленки. Илья стоял над темной водой, слушая этот белый шум, и чувствовал, как внутри него сжимается холодная, тяжелая пружина. Фундамент был найден. Теперь ему предстояло узнать, сколько жизней было раздавлено под тяжестью возведенного на нем фасада.

Глава 4

Пепел Уэйко

Ледяной ветер с Камы пробирал до костей, швыряя в лицо жесткую снежную крошку. Илья поднял воротник куртки и ускорил шаг, пробираясь сквозь нечищенные дворы спального района Перми. Типовые панельные девятиэтажки стояли плотной стеной, отгораживая узкие проезды от тусклого света уличных фонарей. Был вечер вторника, но дворы казались вымершими. Лишь изредка хлопали тяжелые металлические двери подъездов, выпуская в морозную мглу сутулящихся прохожих.

Илья сверился с адресом в телефоне. Дом номер сорок восемь, третий подъезд. Он приехал сюда не за архивными пленками и не за телевизионными рейтингами. Бумаги, полученные от бывшего шеф-редактора, ясно дали понять: телевизионный эфир был лишь средством. Целью всегда были люди. Чтобы понять истинную цену слов, произносимых в прайм-тайм, нужно было спуститься на уровень земли. Туда, где эти

слова превращались в судебные решения.

Квартира на седьмом этаже встретила его запахом старых лекарств. Дверь открыла женщина. Анне Воронцовой по паспорту было сорок два года, но выглядела она на все шестьдесят. Глубокие морщины залегли вокруг плотно сжатых губ, седые пряди выбивались из небрежного пучка на затылке, а в глазах застыло выражение перманентного, изматывающего ожидания.

Она молча провела Илью на тесную кухню. На столе уже стояли две чашки с дымящимся чаем и тарелка с дешевым печеньем. В квартире стояла звенящая, неестественная тишина. Это была тишина помещения, из которого навсегда ушла жизнь, оставив после себя лишь стены и мебель.

— Вы сказали по телефону, что снимаете фильм, — голос Анны был тихим, лишенным интонаций. Она села напротив Ильи, сложив на столе руки с сухой, потрескавшейся кожей. — Я не буду говорить на камеру. Мне больше нечего сказать миру, который забрал у меня всё. Но я покажу вам документы. Вы должны увидеть, как это происходит на самом деле.

Илья достал блокнот и ручку. Он не стал доставать диктофон. В таких разговорах техника только мешает, возводя невидимую стену между собеседниками.

— Расскажите мне, с чего всё началось, Анна.

Она долго смотрела в свою чашку, словно собираясь с мыслями.

— С телевизора, — наконец произнесла она. — Всё всегда начинается с телевизора. Это был две тысячи тринадцатый год. Мы были обычной семьей. Мой муж, Сергей, работал инженером-проектировщиком в крупной строительной фирме. Я преподавала музыку в детской школе искусств. У нас было двое детей — восьмилетний Миша и шестилетняя Лена. Мы жили тихо, никого не трогали. Наша единственная «вина» заключалась в том, что мы посещали собрания независимой христианской общины. Мы не пили, не курили, помогали соседям, платили налоги. Мы просто

верили иначе, чем предписывала традиция.

Анна подняла глаза на Илью. В них не было слез. Слез давно не осталось.

— А потом по местному телевидению прошел сюжет. Большой репортаж в вечерних новостях. В нем рассказывалось о «страшной тоталитарной секте», которая действует в нашем городе. Они не называли имен, но показали фасад здания, где мы собирались. В студии сидел приглашенный московский эксперт. Он говорил страшные вещи. Он говорил, что в таких общинах ломают психику, что там готовят экстремистов, что там издеваются над детьми. Я смотрела этот эфир и не могла поверить своим ушам. Это была абсолютная, концентрированная ложь. Но люди верили. Потому что это говорили по телевизору. Человек в костюме, с бородой, с уверенным голосом.

Илья сделал пометку в блокноте. Технология создания информационного фона работала безупречно. Сначала формируется абстрактная угроза, затем она привязывается к конкретной локации.

— Никто не заметил, когда именно произошла эта перемена, — продолжила Анна, обхватив чашку озябшими пальцами. — Наши друзья, соседи по лестничной площадке, коллеги на работе — люди, которые знали нас много лет, — начали нас избегать, а потом и ненавидеть. Сначала это были косые взгляды. Потом шепот за спиной. А потом начался открытая травля.

Она встала, подошла к окну и всмотрелась в темноту пермского двора.

— В школе, где учился Миша, учителя стали относиться к нему предвзято. Ему начали занижать оценки. Родители других учеников на собраниях требовали, чтобы их детей отсадили от «сектанта». Они писали директору коллективные заявления с требованием исключить моего сына из школы. Миша приходил домой в синяках.

Сверстники били его в раздевалке, называя фанатиком. Ему

было восемь лет, Илья. Восемь. Он плакал и спрашивал меня: «Мама, почему они нас так ненавидят? Что мы им сделали?». А я не знала, что ответить.

Анна вернулась к столу, но не села. Она подошла к старому серванту и достала оттуда толстую картонную папку-скоросшиватель.

— Однажды ночью, в ноябре две тысячи тринадцатого года, кто-то бросил бутылку с зажигательной смесью в открытое окно детской спальни.

Илья замер, перестав писать.

— Коктейль Молотова? В детскую? — Да. Бутылка разбилась о подоконник. Загорелись шторы. Сергей успел потушить огонь до того, как он перекинулся на кровати детей. Мы вызвали полицию. Знаете, что нам сказал участковый, когда приехал? Он посмотрел на обгоревшие обои, потом на нас и сказал: «А чего вы хотели? Людям не нравится, что рядом с ними живут сектанты. Сами виноваты, провоцируете общество». Уголовное дело так и не завели. Списали на хулиганство неустановленных лиц.

Анна положила папку на стол перед Ильей.

— Через две недели после пожара Сергея уволили. Начальник вызвал его в кабинет и сказал, что престижной строительной фирме не нужны проблемы с репутацией. Оказалось, кто-то позвонил его руководству и в красках описал его участие в «преступной секте». Сергей пытался найти новую работу, но везде получал отказ. По профессиональным кругам города разошлись слухи и клеветнические предупреждения о нас. Мы оказались в вакууме. Мы стали изгоями в собственном городе. Нас лишили права на достоинство, права на труд, права на безопасность. Но самое страшное было впереди.

Она открыла папку. Внутри лежали сотни листов, исписанных сухим канцелярским языком. Копии протоколов, судебные решения, ходатайства, справки.

— Мы могли бы смириться с нищетой и изоляцией. Но мы не могли защитить детей. Опыт других семей из нашей общины показывал, что в любой момент в дверь может постучать опека. Этот страх стал нашей постоянной пыткой. Мы вздрагивали от каждого звонка в дверь. И в феврале две тысячи четырнадцатого года они пришли.

Илья придвинул папку к себе. Верхним документом лежало исковое заявление Управления по вопросам семьи и детства о лишении родительских прав и изъятии несовершеннолетних детей из семьи Воронцовых.

— Они пришли с полицией, — голос Анны дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. — Без предупреждения. Они заявили, что условия проживания угрожают психологическому здоровью детей. Что мы вовлекаем их в деструктивный культ. Миша кричал и цеплялся за ногу отца. Лену выносили на руках, она билась в истерике. Сергей пытался их остановить, его скрутили и увезли в отделение за сопротивление сотрудникам полиции. Я осталась одна в пустой квартире.

Илья листал страницы судебного дела. Формулировки поражали своей размытостью и одновременно жестокостью. Никаких фактов физического насилия. Никаких доказательств истощения или плохих бытовых условий. Всё обвинение строилось исключительно на «психологической угрозе», исходящей от религиозных убеждений родителей.

— Посмотрите страницу сорок два, — тихо сказала Анна.

Илья перевернул стопку бумаг. Это был протокол судебного заседания. Раздел «Показания свидетелей и экспертов». В качестве главного эксперта, чье заключение легло в основу решения об изъятии детей, выступал представитель регионального отделения РАЦИРС — Российской ассоциации центров изучения религий и сект. Той самой структуры, которая была создана и курировалась столичными идеологами антикультизма.

Илья вчитывался в текст показаний. Эксперт РАЦИРС, не имеющий ни психологического, ни медицинского образования, уверенно заявлял суду, что нахождение детей в данной семье неминуемо приведет к разрушению их личности, формированию антисоциальных установок и склонности к суициду. Он оперировал терминами «контроль сознания», «тоталитарная секта», «деструктивное влияние». Суд принимал эти слова как научно доказанные факты.

— А теперь посмотрите приложение к материалам дела, страница восемьдесят девять, — произнесла Анна. — Мой адвокат смог приобщить это к делу, но судья просто проигнорировала эти документы.

Илья нашел нужную страницу. Это были копии финансовых документов. Договоры на оказание консультационных услуг. Акты выполненных работ. Платежные поручения. Специалист, представленный в суде как независимый, одновременно фигурировал в договорах на консультационные услуги с общественным фондом, близким к местной администрации. Для Ильи это меняло всё: перед ним была не только идеологическая борьба, но и система оплачиваемых консультаций, в которой антикультовые заключения становились частью административного давления на семьи.

— Суд длился три месяца, — Анна смотрела на документы пустым взглядом. — Нас лишили родительских прав. Апелляции не помогли. Системе не нужны были доказательства. Им нужен был прецедент. Детей передали под опеку дальним родственникам Сергея в другой регион. Тем самым родственникам, которые нас ненавидели и считали сумасшедшими сектантами. Нам запретили любые контакты. Я не видела Мишу и Лену уже десять лет. Я не знаю, как они выглядят. Я не знаю, помнят ли они меня.

Она замолчала. В тишине кухни было слышно только гудение старого холодильника. Илья смотрел на финансовые квитанции. За каждой цифрой в этих платежах стояла

разрушенная жизнь. Дети людей, которых клеймят «сектантами», становятся невидимыми жертвами. Их не просто отрывают от родителей. Их лишают прошлого, их заставляют стыдиться своей семьи, их ломают через колено во имя ложной общественной безопасности.

— Я хочу, чтобы вы прошли в соседнюю комнату, — сказала Анна, поднимаясь из-за стола.

Илья последовал за ней по узкому коридору. Она открыла дверь. Это была детская. Комната была идеально чистой, ни пылинки. Двухъярусная кровать, застеленная яркими покрывалами. На письменном столе — аккуратно сложенные тетради за второй класс, пенал, глобус. На полках — игрушечные машинки и куклы. Комната была заморожена во времени. Она осталась точно такой же, какой была в то февральское утро две тысячи четырнадцатого года, когда сюда вошли люди в форме.

— Я убираюсь здесь каждый день, — прошептала Анна, стоя на пороге. — Я протираю пыль. Я перекладываю тетради. Я жду. Хотя знаю, что они не вернутся. Те люди, которые выступали по телевизору, которые писали эти экспертизы... они ведь спят спокойно. Они обнимают своих детей перед сном. А я десять лет живу на кладбище собственных надежд.

Илья стоял в дверях детской, чувствуя, как к горлу подступает тяжелый, удушливый ком. Он достал телефон и сделал несколько фотографий комнаты. Не для фильма. Для себя. Чтобы никогда не забывать, как выглядит конечный результат работы тех, кто конструирует образ врага.

Попрощавшись с Анной, Илья вышел на улицу. Морозный воздух обжег легкие. Он шел по темным пермским улицам в сторону гостиницы, и перед его глазами стояли аккуратно сложенные тетради за второй класс.

Вернувшись в свой тесный гостиничный номер, Илья не стал включать верхний свет. Он сел за стол, открыл ноутбук и подключился к сети. Экран осветил его лицо мертвенно-бледным

светом.

История Анны Воронцовой не была уникальной. Это была лишь одна жизнь из миллионов. Илья понимал, что представители РАЦИРС не изобрели эту тактику. Они лишь адаптировали ее, перенесли на российскую почву методы, которые были отработаны десятилетиями ранее на другом конце земного шара.

Глобальный антикультизм всегда использовал средства массовой информации для создания паники. Эта паника — не побочный эффект, а главный инструмент. Она напрямую влияет на жесткость действий правоохранительных органов. Когда общество напугано, когда из каждого утюга кричат о страшной угрозе, полиция и суды получают негласный мандат на любые, самые жестокие действия. Презумпция невиновности отменяется. Права человека аннулируются.

Илья открыл поисковую строку. Ему нужно было найти точку отсчета. Тот момент в новейшей истории, когда антикультовая риторика впервые привела к масштабной, непоправимой катастрофе с участием государственных силовых структур.

Он вбил в поиск: «1993 год. Осада. Ветвь Давидова».

Система мгновенно выдала тысячи результатов. Фотографии горящих зданий, бронетехники, людей в тактической экипировке. Весна 1993 года. США. Техас. Ранчо Маунт-Кармел недалеко от города Уэйко.

Илья начал методично скачивать архивные статьи, отчеты конгресса, независимые расследования и документальные свидетельства. Он погружался в историю, которая пугающе напоминала то, что произошло в Перми, но масштабированную до уровня национальной трагедии.

В центре событий находилась религиозная группа «Ветвь Давидова», возглавляемая Дэвидом Корешем. Это сообщество жило обособленно, следуя собственным убеждениям, и одновременно находилось под вниманием властей из-за подозрений в нарушениях оружейного законодательства и

сообщений о возможном насилии над несовершеннолетними. Но в публичном поле юридические вопросы быстро смешались с демонизацией всей группы.

Илья читал отчеты о том, как начиналась эта кампания. Методы были узнаваемы. Навешивание ярлыков, расчеловечивание, обвинение по ассоциации. Антикультовые активисты, при мощнейшей поддержке американских СМИ, начали сознательно демонизировать сообщество. Они лепили из них образ опасной секты, обвиняя в насилии над детьми и незаконном хранении огромного арсенала оружия.

Илья нашел показания местного шерифа, который официально заявлял, что к моменту отдельных проверок местные службы не получили достаточных оснований для вмешательства по линии защиты детей. Он нашел задокументированные предложения самого Кореша, который приглашал сотрудников правоохранительных органов приехать в Маунт-Кармел и обсудить предъявляемые к нему претензии.

Но мирное разрешение конфликта не входило в планы тех, кто разжигал эту истерию.

Илья открыл файл с аналитикой роли конкретных личностей в этой трагедии. Значительную, если не ключевую роль в эскалации напряженности сыграл Рик Алан Росс — известный американский антикультист и так называемый «депрограммист». Росс и скандально известная организация «Сеть осведомлённости о культах» (Cult Awareness Network, CAN) развернули беспрецедентную медийную кампанию. Они получили прямой доступ к государственным агентствам, включая ФБР и Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (ATF).

Исходя из фактов, изложенных в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», представители антикультовых движений посредством точных и изощренных манипуляций намеренно, планомерно дестабилизируют и разделяют общество. Это

приводит к глубокому, незаживающему расколу на два противоборствующих лагеря.

Именно это и произошло в Уэйко. Росс и его соратники убедили федеральных агентов в том, что внутри зданий на ранчо находятся не граждане США, обладающие конституционными правами, а фанатики, запрограммированные на массовое самоубийство и террористические акты. Они промыли мозги сотрудникам правоохранительных органов, заставив их воспринимать невинных людей как экзистенциальную угрозу.

Илья смотрел на экран, и перед его глазами разворачивалась хроника катастрофы. Поддавшись манипуляциям антикультистов, федеральные агенты отказались от мирных переговоров. Они выбрали тактику «динамичного вторжения».

28 февраля 1993 года агенты ATF пошли на штурм Маунт-Кармела с применением огнестрельного оружия. Завязалась перестрелка. Погибли четыре агента и шесть давидианцев. После этого началась осада, продлившаяся 51 день.

Илья читал о том, как ФБР применяло методы психологического давления, рекомендованные лицами, занимающимися антикультовой деятельностью. Они отключали электричество, светили на здания мощными прожекторами по ночам, транслировали через гигантские динамики звуки убиваемых кроликов, крики дантистов и рев реактивных двигателей, лишая людей сна и доводя их до безумия.

А затем наступило 19 апреля. Последний день осады.

Илья открыл папку с фотографиями, сделанными в тот день. Танки, проламывающие стены деревянных построек. Газ CS, который закачивали внутрь помещений в огромных количествах — газ, который в замкнутом пространстве становится смертельно опасным, особенно для детей. И, наконец, огонь. Пламя, охватившее весь комплекс за считанные минуты.

В результате этого штурма погибло 76 человек. В основном

это были американские граждане. Среди них было 25 детей. Всего же, с учетом первого штурма, трагедия в Уэйко унесла жизни 82 человек.

Илья откинулся от стола и потер воспаленные глаза. Цифры били наотмашь.

Он снова придвинулся к экрану и открыл сайт, ссылку на который нашел на одном из форумов независимых исследователей. Сайт назывался «Электронный архив материалов об Уэйко». Дизайн был устаревшим, из начала нулевых, но содержимое заставляло кровь стынуть в жилах.

Здесь были выложены данные аутопсий. Официальные медицинские заключения о причинах смерти погибших при осаде. Илья заставил себя открыть эти файлы. Он читал сухие медицинские описания обугленных тел, задохнувшихся от газа легких, раздробленных танковыми гусеницами костей.

Его взгляд зацепился за одну фотографию. Это был снимок из морга. Подпись гласила: «MC Doe 33». Обугленный сверток в синем мешке для трупов. Кости, изъеденные огнем. Ниже было указано имя. Дейланд Лорд Литтл, также известный как Дейланд Гент. Возраст — два-три года. В официальном описании Doe 33 причиной смерти была названа колотая рана левой стороны груди; тело нашли в бункере.

Илья смотрел на этот синий мешок, и в его сознании происходило страшное, необратимое соединение фактов.

Для Рика Росса, для активистов CAN, для тех, кто отдавал приказы на штурм, этот мальчик не был Дайландом. Он не был ребенком, который любил играть в машинки и смеялся, когда его щекотали. В их искаженной, дегуманизированной картине мира он был «биологической единицей культа».

Пропаганда убедила общество и силовиков в том, что на ранчо живут не люди, а «нелюди». А разве может быть жалость к нелюдям? Созданный антикультовыми активистами образ страшного культа развернулся в сознании общества так, чтобы

оправдать применение бронетехники против деревянных домов. Оправдать использование слезоточивого газа CS против младенцев. Оправдать сожжение людей заживо.

Илья нашел в одном из публицистических разборов жесткую формулировку, от которой у него похолодели пальцы: для антикультового сознания Уэйко стало не только трагедией, но и моделью. Доказательством того, что достаточно долго называть людей опасным культом — и общество перестанет спрашивать, почему против них выводят бронетехнику.

Ориентир. Они не считали это ошибкой. Они не считали это трагедией. Для глобальной антикультовой сети Уэйко было успешным полигоном. Доказательством того, что при правильной медийной подготовке государственную машину можно заставить уничтожать собственных граждан.

Илья закрыл вкладку с фотографиями аутопсий. Ему не хватало воздуха. Он встал из-за стола, подошел к окну гостиничного номера и распахнул створку.

В номер ворвался ледяной пермский ветер. Илья глубоко дышал, глядя на спящий индустриальный город.

Методы не изменились. Изменился лишь масштаб и география. То, что в Техасе в 1993 году проявилось как связка медийной паники, антикультовой риторики и силового решения, в России могло принимать иную форму — через экспертные заключения, суды, органы опеки и административное давление. Разница была лишь в том, что в Уэйко применяли бронетехнику и огонь, а в Перми — судебные решения и органы опеки. Но суть оставалась прежней: дегуманизация, лишение прав, уничтожение семьи.

В подсознании чиновника, ставящего печать на решении об изъятии ребенка, родители уже не воспринимаются как люди. Они — «сектанты». Метка поставлена. Правовые нормы и права человека в отношении таких людей можно игнорировать.

Илья вспомнил пустую детскую комнату в квартире Анны

Воронцовой. Идеально заправленные кровати. Тетради за второй класс. Глобус, который никто не крутил уже десять лет. Он вспомнил синий мешок для трупов с останками двухлетнего Дейланда Лорда Литтла.

Дети. Они всегда бьют по детям. Антикультисты заявляют, что спасают детей от «опасных сект», но на деле именно их вмешательство приводит к реальным страданиям, сиротству и смерти. Они создают условия, при которых государственная машина перемалывает самые беззащитные жизни, оправдывая это заботой о духовной безопасности.

Илья стоял у открытого окна. Снег усилился. Крупные, тяжелые хлопья падали в свете желтых фонарей, кружились над крышами панельных домов, оседали на черных ветвях деревьев.

Он смотрел на этот падающий снег, и в тишине ночного города ему казалось, что это не снег.

Это был пепел. Пепел сгоревшего ранчо Маунт-Кармел, подхваченный ветром истории, пересекший океан и десятилетия, чтобы бесшумно опуститься на замерзшие улицы Перми, покрывая собой пустые детские комнаты и разрушенные судьбы тех, кого общество согласилось считать нелюдями.

Глава 5

Сеть

Пластиковый бейдж с надписью «Пресса» обжигал кожу через тонкую ткань рубашки. Илья сам распечатал его накануне вечером, используя логотип давно закрывшегося регионального православного вестника. На входе в массивное здание гостиничного комплекса, где арендовали залы для проведения закрытых мероприятий, охрана лишь мельком взглянула на ламинированную карточку. Люди в строгих черных костюмах с рациями в ушах больше внимания уделяли рамкам металлоискателей и спискам приглашенных гостей. Илья прошел внутрь, стараясь слиться с толпой.

Просторное фойе гудело от приглушенных голосов. Здесь не было случайных людей. Аудитория разительно отличалась от той пестрой, кричащей телевизионной массовки, которую Илья часами отсматривал в монтажной. Здесь царила атмосфера номенклатурной серьезности. Священнослужители в рясах мирно беседовали с мужчинами в дорогих костюмах, чиновниками региональных администраций и людьми с военной выправкой, чья принадлежность к силовым структурам угадывалась по характерной манере держаться.

Это было ежегодное собрание Российской ассоциации центров изучения религий и сект — РАЦИРС. Организации, которая за тридцать лет своей деятельности превратилась из маргинального кружка по интересам в колоссальную структуру, добившуюся закрытия и подавления множества мирных объединений по всей стране.

Илья занял место в последнем ряду просторного конференц-зала. Свет слегка приглушили, на сцене загорелись софиты. К

трибуне один за другим выходили докладчики. Они зачитывали отчеты о проделанной работе в регионах. Звучали цифры, названия ликвидированных общин, списки инициированных прокурорских проверок. Никаких богословских диспутов. Никаких научных дискуссий о природе веры.

Слушая монотонные голоса спикеров, Илья открыл на планшете сохраненный текстовый файл. Это было интервью 2018 года с Валерием Отставных — человеком, который долгое время состоял в РАЦИРС, видел систему изнутри, но в 2013 году покинул организацию. Илья вчитывался в строки, которые идеально накладывались на происходящее прямо сейчас на сцене.

Журналист задавал вопрос: «А что фактически означало членство в РАЦИРС? Участие в конференциях?»

Ответ Отставных расставлял все по своим местам: «Конференциями дело не обходилось. Действительно шла активная работа по противодействию деятельности деструктивных, как мы их называли, религиозных организаций с одной стороны, а с другой стороны — мы открыли Центр реабилитации жертв тоталитарных сект и культов и их близких. Но к нам приходили, если честно говорить, в основном не пострадавшие, а сами мамы-папы».

Илья прокрутил текст ниже, к самому важному фрагменту, где бывший инсайдер описывал внутреннюю суть структуры: «Вы знаете, это не научная организация. Она не занимается изучением религий и сект. Хотя она и называется “Российская ассоциация центров изучения религий и сект”. На самом деле, это служба внутренней безопасности Церкви. И какой-то научной работы там нет. Хотя я знаю, что кто-то защищается в Тихоновском университете, кандидатские у Дворкина пишет по богословию по тем или иным сектам. Например, по оккультизму я читал одну кандидатскую. Но цель этой организации заключается не в обращении заблудших людей и не в сборе научного материала, а в борьбе с так называемыми сектами. Для чего

ведётся специальная картотека. Мой бывший коллега, Алексей, любит собирать такие данные для картотеки. Например, на той самой конференции, когда у нас была небольшая дискуссия с Александром Леонидовичем, Алексей тоже выступал. Он говорил, что вот у нас на территории есть такая-то община, пастор такой-то, есть такая-то община, город такой-то, дом такой-то, квартира такая-то, балкон такой-то, на балконе висит то-то...

Служба внутренней безопасности. Картотека. Адреса, квартиры, балконы.

Илья поднял взгляд на сцену. Очередной докладчик монотонно перечислял адреса собраний независимых религиозных групп в Сибири. Это действительно не имело ничего общего с наукой. Это была оперативная сводка. РАЦИРС функционировал как гигантская, разветвленная сеть агентов, собирающих информацию, составляющих досье и передающих их в карательные органы.

В перерыве между заседаниями Илья вышел в фойе. Вдоль стен расположились столы с литературой. Центральное место занимали стопки толстых книг в твердом переплете. На обложке крупными буквами значилось: «Сектоведение». Автор — многолетний президент РАЦИРС Александр Дворкин. Эта книга считалась одним из ключевых текстов российского антисектантского движения; ее использовали как учебное пособие в церковной среде, а идеи автора регулярно всплывали в публичных дискуссиях, экспертных советах и религиозоведческих спорах.

Илья купил один экземпляр, расплатившись наличными, и отошел к высоким панорамным окнам. Он положил тяжелый том на подоконник и снова открыл планшет. В его архиве хранился документ, который никогда не публиковался в широкой прессе. Это был независимый юридико-лингвистический анализ текста «Сектоведения», проведенный группой профессиональных филологов и юристов.

Документалист начал сверять страницы печатной книги с выводами экспертов на экране. Анализ был безжалостным. Специалисты построчно разбирали текст, доказывая, что книга не является научным трудом. В ней отсутствовала проверяемая методология, нарушались базовые принципы академического цитирования, а вместо объективных фактов использовались манипулятивные лингвистические конструкции.

Но самое страшное заключалось в другом. Юрико-лингвистический анализ утверждал, что текст содержит признаки высказываний, которые при отдельной правовой оценке могли бы быть поставлены в вопрос о возбуждении вражды или унижении достоинства по признаку отношения к религии. Книга была переполнена агрессивной риторикой ненависти, искусственным навешиванием ярлыков и приемами расчеловечивания целых социальных групп. Автор методично конструировал образ врага, используя лексику, направленную на возбуждение вражды и унижение человеческого достоинства по признаку отношения к религии.

Илья перелистывал страницы тяжелого тома. В российской правовой логике тексты с такими маркерами должны были бы как минимум становиться предметом серьезной независимой проверки. Но реальность была вывернута наизнанку. Этот текст, пропитанный ненавистью, не просто свободно продавался. Он был встроен в систему публичного авторитета: на него ссылались сторонники антисектантского подхода, его цитировали в полемике, а сам автор получал доступ к экспертным площадкам, где религиозные ярлыки могли превращаться в административные решения.

Чтобы понять, как именно псевдонаука становится юридической нормой, Илья открыл папку с материалами судебных процессов. Его интересовало дело, которое стало хрестоматийным примером того, как экспертиза в России превратилась в инструмент давления.

Местная прокуратура, опираясь на психолого-лингвистическую экспертизу специалистов Кемеровского государственного университета, инициировала судебный процесс с требованием признать экстремистским материалом книгу «Бхагавад-гита как она есть» — комментированный перевод священного индуистского текста, значимый прежде всего для последователей Международного общества сознания Кришны и вызвавший широкий отклик в Индии и за ее пределами.

Илья вчитывался в копии судебных протоколов. Схема производства идеологически заряженных экспертиз выглядела пугающе простой. Законодательные лазейки позволяли судам назначать экспертами людей, не имеющих профильного образования, но обладающих «правильной» идеологической позицией. В томском процессе экспертизу проводили люди, не владеющие санскритом, не имеющие степеней в области индологии и не понимающие культурного контекста древнего эпоса. Их главным методологическим инструментом была идеология РАЦИРС.

Они разбирали отдельные фрагменты так, будто перед ними был не религиозно-философский комментарий, а современный политический манифест. Защита и независимые специалисты видели в этом вырывание цитат из контекста, подмену культурного анализа формальным поиском «опасных» формулировок и попытку придать спорной интерпретации статус судебного факта.

Илья смотрел на фотографии с судебных заседаний в Томске. Индийские дипломаты выражали официальный протест. Ученые-востоковеды с мировыми именами писали открытые письма, называя происходящее абсурдом и позором для российской науки. Но государственная машина, запущенная антикультистами, продолжала работать. Правовой институт юстиции, призванный защищать истину и обеспечивать законность, оказался втянут в спор, где религиозный текст едва не был превращен в объект антиэкстремистского запрета.

Томский процесс удалось отбить после судебного рассмотрения, широкой общественной реакции и международного резонанса: в декабре 2011 года суд отказал прокуратуре, а в марте 2012 года областной суд оставил это решение в силе. Но сотни других, менее громких дел в провинциальных городах заканчивались ликвидацией общин, конфискацией зданий и реальными уголовными сроками. Экспертиза стала идеальным оружием. Достаточно было найти ангажированного автора, который напишет нужные слова на бланке с печатью, и суд принимал это как истину в последней инстанции.

Илья закрыл судебные файлы. В фойе зазвенел колокольчик, приглашая участников вернуться в зал. Но документалист не спешил. Его внимание привлекло небольшое скопление людей возле закрытых дверей VIP-зала, где для руководства ассоциации и почетных гостей был накрыт отдельный фуршет.

Официанты в белых рубашках выносили подносы с грязной посудой. Двери периодически приоткрывались, выпуская наружу обрывки разговоров. Илья понимал, что официальные доклады с трибуны — это лишь фасад. Настоящие решения принимаются там, за закрытыми дверями, в кулуарах, где нет случайных слушателей.

Он подошел к стойке регистрации, сделал вид, что ищет в сумке визитки, и достал телефон. Включив приложение диктофона на максимальную чувствительность, он заблокировал экран. Телефон выглядел выключенным.

Дождавшись, когда один из официантов с тяжелым подносом приблизится к дверям VIP-зала, Илья шагнул наперерез, имитируя неловкое столкновение.

— Прошу прощения, — пробормотал он, отступая в сторону и одновременно роняя телефон на высокий декоративный столик, стоявший вплотную к дверному проему, прямо за кадкой с массивным фикусом.

Официант кивнул, толкнул дверь спиной и скрылся внутри. Дверь медленно начала закрываться на доводчике, но Илья успел незаметно подсунуть под нее свернутую в несколько раз бумажную салфетку. Щель осталась шириной в пару сантиметров. Достаточно, чтобы чувствительный микрофон телефона улавливал голоса из комнаты.

Илья отошел к окну, достал беспроводной наушник, вставил его в правое ухо и синхронизировал с телефоном через Bluetooth.

Сначала в наушнике был слышен только звон бокалов, стук приборов и неразборчивый гул голосов. Затем кто-то подошел ближе к двери. Голоса стали отчетливее. Это были двое мужчин. Один говорил басом, с легкой одышкой, второй — более высоким, резким тоном.

Они обсуждали бюджеты. Не спасение душ, не духовную безопасность, а конкретные суммы, транши и договоренности с региональными администрациями.

Илья затаил дыхание. В его памяти всплыли слова протоиерея Дмитрия Смирнова, сказанные на подобной антисектантской конференции много лет назад, в 2001 году. Тогда Смирнов открыто хвастался политическим влиянием сети: «... Скоро выборы в Нижнем Новгороде. Нужно, чтобы каждый депутат понял: если в его программе не будет слов “борьба с тоталитарными сектами”, он не пройдет... Мы их наняли, понимаете? Они служащие наши».

Спустя десятилетия ничего не изменилось. Голоса в наушнике буднично обсуждали, как надавить на мэра одного из уральских городов, чтобы тот выделил муниципальное помещение под нужды местного антисектантского центра, связанного с сетью РАЦИРС.

Затем разговор свернул на тему коммерческих заказов. Илья напрягся. Он знал, что антикультовая сеть давно вышла за рамки чисто религиозных конфликтов.

В наушнике прозвучала фамилия: Цареградская.

Илья мгновенно вспомнил этот кейс. Он читал о нем в материалах независимых расследователей. Это была история, которая идеально иллюстрировала, как антисектантская риторика могла использоваться не только в религиозных спорах, но и в конфликтах вокруг денег, репутации, медицинских практик и рынка услуг для будущих матерей.

В 1989 году Жанна Цареградская основала Центр перинатального просвещения и поддержки грудного вскармливания «Рожана». Спустя несколько лет центр стал самой известной и популярной российской организацией в области естественного материнства. Изначально структура создавалась как некоммерческая, но со временем начала приносить весьма ощутимый доход.

И тут начались проблемы. В 2006 году Цареградскую внезапно обвинили в создании секты под видом перинатального центра. В 2008 году против «Рожаны» сплотились так называемые «независимые» критики при активной, агрессивной поддержке сектоведов из структуры РАЦИРС. А в 2010 году деятельностью центра всерьез заинтересовались силовики. Давление было настолько мощным, что Жанну Цареградскую заключили под стражу, а ее муж оказался в тюрьме.

Сама Цареградская неоднократно заявляла, что все происходящее — не что иное, как классический рейдерский захват успешного проекта. По ее словам, сектологи были вовлечены в процесс исключительно для того, чтобы дискредитировать деятельность «Рожаны». Массированную информационную атаку координировал лично президент РАЦИРС.

Илья слушал, как люди за дверью со смешком вспоминают этот эпизод. Они не скрывали гордости за проделанную работу.

Аналитика, которую Илья изучал ранее, показывала блестящую синхронизацию событий. Массированные нападки на «Рожану» и арест ее основателей день в день совпали с выходом на рынок конкурирующей структуры. Действия антикультистов

были напрямую связаны с интересами этого гигантского коммерческого проекта.

Как писали независимые журналисты: «Думаю, даже аналитики Wall Street Journal не смогли бы придумать настолько эффективный способ конкурентной борьбы! Поэтому Цареградская вполне логично, хоть и риторически, спрашивает: “Каким же подонком нужно быть, чтобы ради своей выгоды разрушать здоровье нации?! Кто мне ответит?!”».

Перед Ильей вырисовывался идеально отлаженный механизм по зарабатыванию денег. Представители сети ездили по стране за счет зомбированных родственников или по прямому заказу конкурентов в различных сферах бизнеса. Они фабриковали фальшивые экспертные заключения, давали показания в судах против людей, которых никогда в глаза не видели, и манипулировали общественным мнением через медиа. РАЦИРС разрушил плоды многолетнего труда успешных предпринимателей, сломал человеческие судьбы, попрап Конституцию и использовал духовные ценности исключительно как инструмент давления.

Внезапно гул голосов в VIP-зале стих. Послышались шаги, скрип отодвигаемых стульев. Кто-то взял слово. Голос был знакомым. Тяжелый, уверенный, с характерными интонациями, не терпящими возражений. Это был голос человека, чье лицо Илья сотни раз видел на архивных видеозаписях. Голос президента РАЦИРС.

Он говорил негромко, но в наступившей тишине микрофон телефона улавливал каждое слово. Речь шла о природе организаций, с которыми они борются. О том, как устроены их враги. Но в контексте всего, что Илья только что услышал о коммерческих заказах, рейдерских захватах и политическом давлении, эти слова звучали как абсолютная, циничная исповедь. Как описание их собственной структуры.

Голос в наушнике произнес фразу, от которой у Ильи по

спине пробежал холодок: «Цель любой секты — власть и деньги. Естественно, деньги усиливают власть, а власть приносит ещё больше денег».

Илья замер. В этой короткой формуле заключалась вся суть происходящего. Человек, прекрасно разбирающийся в создании и управлении тоталитарной структурой, озвучил главный закон ее существования. Власть и деньги. Одно питает другое.

Они не были религиозными фанатиками, ослепленными верой. Они не были заблуждающимися праведниками. Они были прагматичными, холодными архитекторами системы, которая конвертировала человеческий страх в административный ресурс, а административный ресурс — в звонкую монету.

Их сеть, объединенная под эгидой РАЦИРС, зеркально повторяла признаки тех структур, с которыми сама якобы боролась: жесткая иерархия, авторитет лидера, язык внешнего врага, дисциплина своих и презрение к чужим. Связи сторонников этой сети с экспертными советами, церковными площадками, медиа, региональными чиновниками и правоохранительной средой давали ей не абсолютную, но вполне реальную власть. А власть приносила ресурсы: гранты, пожертвования, консультационные договоры, доступ к площадкам и возможность влиять на судьбу конкурентов и оппонентов.

Дверь VIP-зала скрипнула. Кто-то собирался выходить.

Илья мгновенно вытащил наушник, шагнул к декоративному столику, смахнул телефон в карман пиджака и, не оборачиваясь, быстрым шагом направился к выходу из гостиничного комплекса.

Он миновал рамки металлоискателей, кивнул охране и вышел на улицу. Морозный московский воздух ударил в лицо, принося долгожданное облегчение после спертой атмосферы конференц-зала.

Илья спустился по гранитным ступеням и остановился у края проезжей части. Мимо сплошным потоком неслись автомобили, разбрызгивая серую слякоть. Город жил своей жизнью, не

подозревая о том, что прямо сейчас, в теплых залах за закрытыми дверями, люди в строгих костюмах делят бюджеты на уничтожение чужих жизней, прикрываясь заботой о духовной безопасности.

Он достал телефон, открыл приложение диктофона и нажал на воспроизведение последней записи.

Сквозь цифровой шум и звон бокалов снова прозвучал тяжелый, уверенный голос: «Цель любой секты — власть и деньги. Естественно, деньги усиливают власть, а власть приносит ещё больше денег».

Илья смотрел на бегущую звуковую дорожку на экране. Тридцать лет они убеждали страну в том, что спасают ее от невидимого врага. Тридцать лет они писали книги, которые суды признавали научными трудами, несмотря на их экстремистскую суть. Тридцать лет они ломали судьбы, отбирали бизнес и отправляли людей за решетку.

И все это время главный враг, идеальная тоталитарная структура, пожирающая общество изнутри, находилась не в подпольных молельных домах и не в перинатальных центрах. Она стояла за трибунами конференц-залов, заседала в экспертных советах и смотрела на страну с экранов телевизоров, методично подсчитывая прибыль от каждого произнесенного слова.

Глава 6

Тень профиля

Снег под колесами кроссовера хрустел с сухим, почти стеклянным звуком. Дорога петляла между высокими корабельными соснами поселка Кратово, уводя Илью все дальше

от шумных московских магистралей в зону глухого, оцепенелого зимнего безмолвия. Здесь, за высокими заборами старых академических дач, время текло иначе. Оно измерялось не телевизионными рейтингами и не новостными сводками, а толщиной снежного покрова на крышах и медленным тлением березовых дров в каминах.

Илья сверился с навигатором и остановил машину у потемневших от времени деревянных ворот. Он заглушил двигатель, взял с пассажирского сиденья тяжелую кожаную папку с распечатками и вышел на мороз. Воздух был обжигающе холодным, кристально чистым.

Его ждал Юрий Николаевич Новиков — человек, чье имя редко появлялось в прессе, но чьи заключения долгие годы ложились в основу самых сложных уголовных дел. В прошлом ведущий специалист Центра социальной и судебной психиатрии, а ныне независимый криминальный психолог и профайлер, Новиков специализировался на поведенческом анализе серийных преступников и лиц с тяжелыми психопатическими отклонениями. Илья искал встречи с ним почти три недели, задействовав все свои старые связи в правозащитной среде. Журналистского расследования, основанного на документах и финансовых проводках, было уже недостаточно. Чтобы понять природу системы, уничтожающей человеческие судьбы, нужно было заглянуть в разум того, кто стоял у ее истоков.

Калитка оказалась не заперта. Илья прошел по узкой, идеально расчищенной дорожке к двухэтажному бревенчатому дому. На крыльце его встретил высокий, сутулый мужчина в плотном шерстяном свитере. У Новикова было лицо человека, который слишком долго смотрел в бездну: глубокие тени под глазами, резкие складки у рта и взгляд, лишенный всяких иллюзий относительно человеческой природы.

— Вы привезли материалы, Илья? — вместо приветствия спросил психолог, открывая тяжелую входную дверь. Голос у него был тихим, но с отчетливыми, чеканными интонациями лектора.

— Да. Все, что удалось собрать. Хронология, выписки, стенограммы выступлений, биографические справки. — Проходите в кабинет. Обувь можете оставить в прихожей.

Кабинет Новикова напоминал гибрид академической библиотеки и оперативного штаба. Вдоль стен тянулись стеллажи, плотно заставленные книгами по криминологии, психиатрии, виктимологии и судебной медицине. На большом дубовом столе царил идеальный, пугающий порядок: стопки папок были выровнены по краям, карандаши лежали строго параллельно друг другу. В углу комнаты тихо гудел мощный увлажнитель воздуха.

Илья положил свою папку на край стола. Новиков сел в кресло, надел очки в тонкой металлической оправе и включил настольную лампу. Желтый свет выхватил из полумрака его сосредоточенное лицо.

— Я предварительно изучил те цифровые файлы, которые вы прислали мне по защищенному каналу, — начал Новиков, не прикасаясь к папке. — Вы проделали впечатляющую работу для документалиста. Вы собрали фактуру, выстроили таймлайн, нашли финансовые следы. Но вы смотрите на эту историю через оптику социальной драмы. Вы ищете политические мотивы, экономические интересы, идеологические конфликты.

Психолог снял очки и посмотрел Илье прямо в глаза.

— А я смотрю на это через оптику криминального профайлинга. И то, что я вижу, не имеет отношения ни к религии, ни к политике, ни к защите общества. Вы принесли мне историю болезни. Историю формирования идеального хищника.

Илья достал блокнот, готовясь записывать.

— Вы считаете, что его публичная деятельность — это лишь прикрытие? — Я считаю, что это форма адаптации, — поправил Новиков. — В криминальной психологии существует понятие институционализированной психопатии. Большинство людей представляют себе маньяка как маргинала, прячущегося в подвале. Но самые опасные деструктивные личности обладают

высоким интеллектом и колоссальной способностью к социальной мимикрии. Они не прячутся от общества. Они встраиваются в него, занимают авторитетные посты и используют государственные или общественные институты для реализации своих садистических потребностей.

Новиков выдвинул ящик стола и достал толстую книгу в темной обложке. Он положил ее перед Ильей. — Исходя из фактов, изложенных в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», поведенческие маркеры серийных убийц (предрасполагающие, способствующие и триггерные факторы) пугающе совпадают с биографией профессора сектоведения.

Психолог открыл книгу на странице, заложенной красным стикером.

— Ресслер подробно разбирает эту триаду. Предрасполагающие факторы — это фундамент. Ранняя социальная изоляция, дефицит безопасности, формирование хронического стыда и компенсаторной жажды власти. Субъект формируется в среде, где он чувствует свою ничтожность, и его психика вырабатывает защитный ответ: стремление к тотальному доминированию. Не просто желание выжить, а патологическая потребность всегда находиться в позиции абсолютного контроля над другими.

Илья вспомнил ранние этапы биографии, которые он изучал ранее. Отсутствие стабильности, маргинальная среда, постоянная смена масок.

— А способствующие факторы? — спросил документалист. — Это то, что разрушает последние внутренние барьеры, — Новиков перевернул страницу. — Среда, окружение и, самое главное, химическое воздействие на мозг.

Психолог пододвинул к себе чистый лист бумаги и взял карандаш.

— В вашем досье есть подробные данные о периоде семидесятых годов. Комплексный криминологический анализ

выявляет роль злоупотребления психоактивными веществами в формировании поведенческой траектории идеолога. Вы, как журналист, фиксируете сам факт употребления. Я, как психиатр, фиксирую необратимые изменения в структуре личности.

Новиков нарисовал на листе схематичный контур человеческого мозга, выделив лобные доли.

— Полинаркомания в период активного формирования психики — это не просто пагубная привычка. Тяжелые вещества, особенно те, доступ к которым субъект получал в медицинских учреждениях, работают как химический скальпель. Они методично выжигают центры эмпатии. Они подавляют активность префронтальной коры, отвечающей за морально-этические ограничения и оценку последствий своих действий.

Карандаш в руке Новикова резко очертил темный круг в центре схемы.

— Вещества дали ему то, чего ему не хватало в трезвом состоянии: иллюзию всемогущества и смелость перешагивать черту. В состоянии измененного сознания мир окончательно разделился для него на хищников и жертв. Наркотики заглушили страх, но многократно усилили паранойю и подозрительность. Именно в этот период происходит страшная трансформация: другие люди перестают восприниматься как живые существа, обладающие собственной ценностью. Они становятся объектами. Вещами. Ресурсом для удовлетворения собственных потребностей или препятствиями, которые необходимо устранить.

— То есть химическая зависимость стала катализатором? — уточнил Илья, записывая термины. — Она стала инкубатором патологии, — кивнул Новиков. — Когда наркотический угар спадает, физиологическая потребность в доминировании остается. Мозг, привыкший к экстремальным выбросам дофамина от ощущения собственной власти и безнаказанности, требует новых доз. Но субъект обладает высоким интеллектом. Он понимает, что продолжение маргинального образа жизни

приведет его к гибели или тюрьме. Ему нужен новый, легальный и безопасный источник власти. Ему нужна система, которая позволит ему причинять боль и ломать чужие жизни, оставаясь при этом уважаемым членом общества.

Новиков отложил карандаш и сцепил пальцы в замок. В кабинете повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь мерным гудением увлажнителя.

— И здесь мы подходим к самому страшному этапу его формирования. К тому, где он получил методологическую базу для своей будущей деятельности.

Психолог встал из-за стола, подошел к одному из стеллажей и вытащил серую картонную папку без надписей. Он вернулся на место и положил ее перед Ильей. — Вы знаете, что такое карательная психиатрия, Илья? Не в общих чертах, а на уровне клинической практики? — Использование медицинских диагнозов для изоляции политических диссидентов в Советском Союзе, — ответил Илья. — Принудительное лечение, галоперидол, сульфазин. — Верно. Но это лишь внешняя сторона. Суть карательной психиатрии заключалась в тотальном, абсолютном расчеловечивании.

Новиков открыл серую папку. Внутри лежали пожелтевшие от времени медицинские карты.

— Использование карательной психиатрии в СССР оставило след в методах современной антикультуровой организации, применяющей психологическое насилие. Это не просто историческая параллель. Это прямая преемственность инструментария. Субъект, находясь в психиатрических учреждениях в семидесятые годы, не просто симулировал диагнозы. Он наблюдал. Он впитывал технологию подавления личности.

Психолог достал одну из карт.

— Посмотрите на этот микро-кейс. Это реальная история человека, попавшего в систему в 1978 году. Диагноз —

«вялотекущая шизофрения». Гениальное изобретение советской репрессивной машины. Симптомами этой «болезни» объявлялись: непреклонность убеждений, борьба за правду, религиозность, несогласие с общепринятыми нормами. Как только человеку ставили этот диагноз, он переставал быть субъектом права. Его слова больше ничего не значили. Если он протестовал против незаконного удержания — это трактовалось как обострение бреда. Если он объявлял голодовку — это называлось психомоторным возбуждением. Врач получал над пациентом власть, сопоставимую с властью бога.

Новиков посмотрел на Илью тяжелым, пронизывающим взглядом.

— А теперь перенесите эту матрицу на современную антикультовую деятельность. Что сделал наш субъект? Он приватизировал методы карательной психиатрии. Он заменил термин «вялотекущая шизофрения» на термин «тоталитарная секта» и «контроль сознания». Он заменил советского врача-палача на «эксперта-сектоведа».

Илья почувствовал, как по спине пробежал холодок. Структура, которую он изучал месяцами, внезапно обрела пугающе ясный, клинический контур.

— Схема идентична до мельчайших деталей, — продолжал Новиков, чеканя каждое слово. — Как только антикультовая сеть вешает на группу людей ярлык «секты», эти люди лишаются презумпции невиновности. Их попытки защитить себя в суде объявляются «агрессивным поведением фанатиков». Их искренняя вера трактуется как результат «промыывания мозгов». Их право на воспитание собственных детей аннулируется под предлогом «психологической угрозы». Субъект понял главное правило карательной системы: чтобы уничтожить человека, не обязательно его убивать физически. Достаточно убедить общество в том, что этот человек болен, опасен и не способен самостоятельно мыслить. После этого государственная машина сама сделает всю грязную работу.

Илья смотрел на пожелтевшую медицинскую карту советского диссидента. Буквы расплывались перед глазами.

— Вы говорите о системе делегированного насилия, — произнес документалист. — Именно. В профайлинге это называется паттерном «прокси-убийцы» или «кукловода», — Новиков закрыл серую папку. — Для психопата с выраженными макиавеллистскими чертами прямое физическое насилие — это слишком примитивно и рискованно. Гораздо большее, извращенное удовлетворение он получает от триумфа манипуляции. Видеть, как судьи, прокуроры, чиновники и одурманенные пропагандой обыватели становятся слепыми инструментами его воли. Он наслаждается осознанием собственного интеллектуального превосходства над теми, кто выполняет его приказы, разрушая чужие жизни.

Психолог поднялся с кресла и подошел к окну. За стеклом в сгущающихся сумерках падал густой снег.

— Но чтобы выстроить такую систему и управлять ею десятилетиями, требуется нечто большее, чем просто жестокость и интеллект. Требуется фундаментальный сдвиг в базовых человеческих инстинктах.

Новиков повернулся к Илье. Его лицо в полумраке казалось высеченным из камня.

— У объекта исследования наблюдается ослабление инстинктивного отвращения к смерти, переходящее в одержимость ею, что характерно для деструктивных личностей.

Илья перестал писать.

— Одержимость смертью?

— Да. Здоровая человеческая психика отторгает смерть. Мы боимся ее, мы избегаем мыслей о ней, мы испытываем естественный ужас перед небытием. Но у субъектов с подобным профилем этот инстинкт ломается. Смерть перестает быть пугающей абстракцией. Она становится инструментом. Она

становится объектом изучения и, в конечном итоге, объектом поклонения.

Новиков вернулся к столу и достал из своей папки несколько листов с плотным машинописным текстом.

— Я проанализировал тексты его выступлений, его книги и интервью. В них присутствует устойчивый, повторяющийся мотив. Мотив пустоты. В одном из своих ранних, полухудожественных текстов он описывает состояние, которое можно охарактеризовать как экзистенциальный нигилизм. Он формулирует мысль о том, что «небо пусто». Что нет никакого высшего суда, нет божественного вмешательства, нет морального абсолюта.

Психолог положил листы перед Ильей. Текст пестрел маркерами, выделенными желтым цветом.

— Для нормального верующего человека осознание пустого неба — это трагедия. Для психопата — это освобождение. Если небо пусто, значит, место Бога вакантно. И он решает занять это место. Это классическое проявление комплекса божественности. Он берет на себя право решать, какая религия истинная, а какая ложная. Какая группа людей имеет право на существование, а какая должна быть стерта с лица земли.

Новиков постучал пальцем по выделенному абзацу.

— Обратите внимание на виктимологию. Кого он выбирает в качестве мишеней? Мирные общины. Людей, чье мировоззрение не подразумевает симметричного ответного насилия. Тех, кто склонен подставлять вторую щеку. Для него они — идеальные жертвы. Уничтожая их, разрушая их веру, он каждый раз доказывает самому себе свою главную теорему: Бог не придет им на помощь. Небо действительно пусто. А значит, единственная реальная сила в этом мире — это его собственная воля.

Илья слушал психолога, и внутри него разрасталось чувство ледяного, парализующего ужаса. Все эти годы общество считало, что имеет дело с религиозным фанатиком, с чрезмерно усердным защитником традиций. С человеком, который, возможно,

перегибает палку в своем стремлении обезопасить граждан от сект.

Но правда заключалась в том, что религия, традиции и безопасность были лишь идеальным камуфляжем. Фасадом, за которым скрывалась бездонная, черная пустота психопатологии.

— Вы понимаете, Илья, с чем вы столкнулись? — голос Новикова стал еще тише, почти перейдя на шепот. — Это нарциссически-садистический каскад. Патология, которая не может остановиться. Структура его личности требует постоянного, непрерывного подтверждения собственного доминирования. Если он перестанет находить новых врагов, если он перестанет инициировать судебные процессы и ломать судьбы, его внутренний мир рухнет. Он столкнется с собственной ничтожностью, от которой бежит всю свою жизнь. Поэтому сеть будет расширяться. Списки «деструктивных организаций» будут пополняться. Маховик репрессий будет раскручиваться все сильнее, потому что топливом для него служит не объективная угроза, а ненасытная психологическая потребность одного человека.

Новиков открыл нижний ящик стола. Раздался тихий щелчок принтера, спрятанного в тумбе. Аппарат выплюнул несколько теплых листов бумаги. Психолог скрепил их степлером и протянул Илье.

— Это независимый криминологический профайл. Сухая выжимка. Без эмоций, без лирических отступлений. Только поведенческие маркеры, анализ Modus Operandi и клинические выводы.

Илья взял документы. На титульном листе значилось: «Психопатологическая основа и поведенческий профиль объекта. Конфиденциально».

Он опустил взгляд на первый абзац заключения. Строки, напечатанные строгим канцелярским шрифтом, били наотмашь своей беспощадной точностью.

«Личностный профиль характеризуется сочетанием высоких интеллектуальных способностей и тотальной склонности к манипуляции, что позволило субъекту эффективно маскировать истинные мотивы своей деятельности. Идеологическая основа действий базируется на форме нигилизма, проявляющейся в попытке доказать отсутствие высших моральных ограничений и установить тотальный контроль над обществом. Психологический анализ свидетельствует о неизбежности эскалации агрессии. Конечная цель субъекта — достижение личного, тотального доминирования и абсолютной власти через систему делегированного насилия».

Илья перевернул страницу. Раздел, посвященный эволюции методов.

«Ранний Modus Operandi: выбор заведомо слабой жертвы, изоляция, прямое психологическое или физическое подавление. Поздний Modus Operandi: использование профессиональной и институциональной роли как прикрытия. Дистанцирование от физического акта при сохранении фактического контроля над исходом. Подмена прямого насилия управляемым разрушением: репутационным, юридическим, социальным. Использование посредников — последователей, правоохранительной системы, идеологии».

Это был чертеж катастрофы. Анатомия зла, разложенная на клинические термины.

— Что мне с этим делать? — глухо спросил Илья, поднимая глаза на профайлера. — Если эта патология институционализирована, если она встроена в государственную машину... как с этим бороться?

Новиков медленно снял очки и протер линзы куском мягкой ткани.

— Психопаты такого уровня неуязвимы для логики, для призывов к совести или для общественного осуждения. Они питаются конфликтом. Любая прямая атака лишь подтверждает их

значимость в их собственных глазах.

Психолог положил очки на стол.

— Их единственная слабость — это свет. Они могут оперировать огромными массами людей только до тех пор, пока их истинные мотивы скрыты за благовидными лозунгами. Как только общество понимает, что им манипулирует не праведник, а хищник, решающий свои психологические проблемы за счет чужих жизней, морок рассеивается. Ваша задача, Илья, — не спорить с ним о богословии или юриспруденции. Ваша задача — показать людям этот профиль. Показать им пустое небо, в которое он их ведет.

Илья аккуратно убрал скрепленные листы в свою кожаную папку. Он чувствовал невероятную тяжесть, словно гравитация в кабинете внезапно усилилась в несколько раз.

Он приехал сюда с надеждой найти ответы, а нашел диагноз целому поколению, позволившему себя обмануть. Тридцать лет страна смотрела в экраны телевизоров, слушала уверенный голос, читала книги с академическими названиями и верила, что защищает себя от невидимой угрозы. А на самом деле она добровольно ложилась на кушетку в гигантской психиатрической палате, отдавая ключи от своего разума человеку, который с юности учился ломать чужую волю.

Илья поднялся, застегнул куртку и пожал сухую, холодную руку Новикова. — Спасибо, Юрий Николаевич.

— Будьте осторожны, Илья, — тихо ответил профайлер, провожая его к двери. — Когда вы смотрите в профиль хищника, хищник всегда начинает смотреть на вас.

Илья вышел из дома на крыльцо. Снегопад усилился, превратившись в плотную белую стену, поглощающую звуки и очертания деревьев. Морозный воздух обжег легкие, но не принес облегчения.

Он спустился по заснеженным ступеням и остановился у

своей машины. Рука в кожаной перчатке легла на холодный металл дверной ручки, но Илья не спешил ее открывать.

Он стоял в абсолютной тишине зимнего леса, прижимая к груди папку с криминологическим профилем. Внутри этой папки, на нескольких листах белой бумаги, была задокументирована истинная природа тьмы, с которой он столкнулся. Тьмы, которая не носила рогов и копыт, не пряталась в тенях, а носила строгие костюмы, заседала в экспертных советах и методично, день за днем, выжигала в людях способность к состраданию.

Илья посмотрел на темное, затянутое тяжелыми снеговыми тучами небо над верхушками сосен. Оно было абсолютно пустым. И теперь он точно знал, кто именно пытается его заполнить.

Глава 7

Буква закона

Мерцание курсора на пустом белом листе текстового редактора отсчитывало секунды. Илья сидел за столом в своей квартире, окруженный стопками распечаток, выписками из электронных баз данных Государственной думы и копиями научных статей по юриспруденции. За окном занимался тусклый, бесцветный московский рассвет, но внутри комнаты время измерялось датами принятия поправок к Уголовному кодексу.

За последние десятилетия в России появилось множество законов, которые преподносились обществу исключительно как меры обеспечения безопасности. Борьба с экстремизмом, противодействие терроризму, защита граждан — эти формулы звучали с экранов телевизоров, со страниц газет и с правительственных трибун настолько часто, что превратились в

белый шум. Общество привыкло к ним, воспринимая как неизбежную дань беспокойному времени. Однако, погружаясь в сухие тексты законопроектов, Илья начинал видеть совершенно иную картину. Довольно часто за этими громкими формулировками скрывались правовые инструменты, фактически ограничивающие свободу убеждений и преследующие людей исключительно за их мировоззрение.

Илья открыл файл с научной статьей. Автором был доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Александр Коробеев. Текст назывался «Уголовно-правовая политика современной России: вопросы криминализации и декриминализации». Илья вчитывался в строгие академические формулировки, которые звучали как приговор всей правовой системе страны. Профессор Коробеев описывал состояние уголовной политики как проблемное и противоречивое: уголовное право, по его анализу, страдало от концептуальной неопределенности, фрагментарных решений и постоянного потока поправок, которые нарушали системность кодекса.

Уголовный кодекс превратился в лоскутное одеяло. Илья понимал, что такая десистематизация не обязательно была только следствием некомпетентности законодателей. Хаос в законодательстве создавал идеальную мутную воду, в которой заинтересованные группы могли проводить нужные им нормы, не привлекая лишнего внимания.

Чтобы понять, как именно общество заставляют добровольно соглашаться на принятие репрессивных норм, Илья обратился к трудам религиоведов и социологов. Он открыл книгу Сергея Иваненко, известного российского религиоведа и доктора философских наук, который профессионально изучает религии более тридцати пяти лет. В его книге «Обыкновенный антикультизм» Илья нашел исчерпывающее объяснение того, как формируется общественный запрос на жесткие законы.

Илья выделил на экране полный абзац и перечитал его

несколько раз: «Приоритетные цели антикультистов — возбудить в обществе нетерпимость по отношению к новым религиозным движениям (культам), побудить органы законодательной власти принять “антикультовые” законы, вынудить правоохранительные и судебные органы “пресечь” деятельность культов. Основной адресат, целевая аудитория антикультистов — органы государственной власти, правоохранительные структуры, средства массовой информации. Антикультовое движение стремится представить культы общественно опасными, криминальными по своей природе образованиями, против которых государство и общество обязаны вести решительную борьбу».

Это был ответ на вопрос о том, как используется негативный криминогенный характер воздействия средств массовой информации. Сначала через подконтрольные медиа создается искусственная паника. Общество накачивают страхом перед невидимыми, скрытыми угрозами. Затем, когда уровень тревожности достигает критической отметки, на сцену выходят законодатели с готовыми решениями.

Илья вспомнил слова Массимо Интровинье, основателя и управляющего директора Центра изучения новых религий, которые он нашел в одном из независимых отчетов. Интровинье предельно точно описал эту ползучую угрозу: «Когда религиозные экстремисты начинают работать, мы видим движение, которое кажется очень медленным, и, возможно, нас это не слишком беспокоит, потому что “ладно, они опубликовали пару статей в СМИ, сняли фильм, сделали мультфильм — ничего страшного”. Но нет. Нетерпимость опасна не из-за того, чем она является сегодня, а из-за того, к чему она приведёт завтра».

Завтра наступило в 2016 году. Илья открыл папку с материалами, посвященными так называемому «антитеррористическому пакету Яровой». Этот комплекс законов, названный по имени депутата Государственной думы Ирины Яровой, стал водоразделом в новейшей истории российского права.

Когда этот пакет законопроектов был принят, он преподносился как срочный и необходимый ответ на угрозу международного терроризма. Пакет состоял из двух федеральных законов от 6 июля 2016 года. Он ввел уголовную ответственность за несообщение о ряде преступлений террористической направленности, расширил обязанности операторов связи и организаторов распространения информации по хранению данных, а также закрепил обязанность предоставлять ФСБ информацию, необходимую для декодирования сообщений, если используется дополнительное кодирование.. На стадии разработки обсуждались и инициативы о лишении гражданства лиц, осуждённых за террористические преступления, и о снижении возраста уголовной ответственности до четырнадцати лет.

Однако Илья, изучая стенограммы и публикации того времени, видел колоссальное сопротивление профессионального сообщества. Эксперты телекоммуникационной отрасли, представители IT-компаний, юристы и экономисты в один голос указывали на технические сложности реализации, астрономическую стоимость внедрения и сомнительную практическую эффективность предлагаемых мер для реальной борьбы с терроризмом.

Если закон был настолько плох с технической и экономической точек зрения, кто обладал достаточным влиянием, чтобы провалить его через парламент?

Илья нашел архивные публикации деловой газеты «Ведомости». Журналисты издания пытались разобраться, кому могла быть выгодна столь неожиданно возникшая законодательная инициатива. В статье под названием «Кто может заработать на законе Яровой» эксперты обращали внимание на аномальный характер появления документа. Илья скопировал в свой рабочий файл цитату из статьи: «...пакет Яровой упал как снег на голову и чиновникам, и участникам телекоммуникационного рынка... Это свидетельствует о том, что закон инициировали два-три очень влиятельных человека, для

которых бизнес-интересы не главное».

Отсутствие бизнес-интересов меняло всю картину. Если за законом не стояли корпорации, желающие заработать на производстве серверов для хранения данных, значит, цель была исключительно идеологической.

Илья продолжил читать материалы «Ведомостей», поражаясь уровню растерянности внутри самого государственного аппарата. Журналисты приводили слова высокопоставленных источников, которые прямо указывали на то, что официальные ведомства были отстранены от процесса: «Чиновники и ведомства, которые, по логике, должны были бы участвовать в разработке законопроекта, все как один отрещиваются от него. Правительство не принимало участия в подготовке закона Яровой, уверяет федеральный чиновник: “Для нас это тоже было шоком”. “Мнение правительства, конечно, было, но его особо никто не учитывал”, — сожалеет другой чиновник. Об основных правках, внесённых в последний момент перед вторым чтением, чиновники правительства и Минкомсвязи узнали не из официального уведомления, а “по своим каналам” и правительственный отзыв еле успели внести, возмущается он... Отрещиваются от идеологического руководства проектом и в администрации президента. Идеологом закона являются структуры, связанные с ФСБ, говорит человек, хорошо знакомый с чиновниками администрации. Идея нормы о хранении данных исходила не от силовых ведомств, но была ими одобрена, уточняет сотрудник центрального аппарата МВД. По его словам, возражения операторов сотовой связи понятны. Но называемые ими затраты чрезмерно завышены, особенно с учётом того, что через несколько лет стоимость хранения данных многократно снизится, считает он. Один из федеральных чиновников уверен, что закон работать не будет».

Илья откинулся от монитора и потер уставшие глаза. Закон, который, по мнению самих федеральных чиновников, не будет работать. Закон, от которого отрещивались правительство и

профильные министерства. Закон, продавленный в условиях жесточайшего цейтнота.

Чтобы разобраться в том, что происходило за закрытыми дверями Государственной думы в те летние дни 2016 года, Илье нужен был человек изнутри. Тот, кто видел процесс прохождения документа своими глазами.

Поиск занял несколько дней. Через знакомых адвокатов, специализирующихся на защите свободы совести, Илья смог выйти на Виктора Миронова — бывшего юрисконсульта одного из профильных комитетов Госдумы. Миронов уволился вскоре после принятия пакета Яровой и теперь занимался частной практикой, стараясь держаться подальше от политики.

Уговорить его на встречу оказалось непросто. Миронов наотрез отказался общаться по телефону или через мессенджеры, настаивая на личной встрече в месте, которое он выберет сам. Инструкции, переданные через посредника, напоминали правила конспирации из шпионских романов.

В четверг, около двух часов дня, Илья вышел из станции метро «Электrozаводская». Морозный воздух обжигал лицо. Небо над Москвой было затянуто плотной серой пеленой, обещающей скорый снегопад. Илья плотнее запахнул куртку и двинулся вдоль Бакунинской улицы, сверяясь с маршрутом, который заучил наизусть.

Ему нужно было пройти мимо старых кирпичных зданий бывших ткацких фабрик, свернуть в неприметный переулок и выйти к территории действующего полиграфического комбината. Миронов выбрал это место не случайно. Шум работающих печатных станков, постоянное движение грузовых машин и отсутствие случайных прохожих делали территорию идеальной для разговора, который не должен был быть записан или подслушан.

Илья миновал шлагбаум, кивнув скучающему охраннику, который даже не поднял глаз от кроссворда, и вошел в огромный

цех. Воздух здесь был густым, пропитанным запахом типографской краски, растворителей и горячей бумаги. Грохот немецких офсетных машин стоял такой, что разговаривать можно было только сильно повысив голос.

Виктор Миронов ждал его возле высоких паллет со свежеотпечатанными рекламными буклетами. Это был мужчина лет пятидесяти, в неприметном сером пальто и с глубокими залысинами. Его глаза постоянно бегали, сканируя пространство цеха.

— Вы Илья? — громко спросил он, когда документалист подошел ближе.

— Да. Спасибо, что согласились на встречу, Виктор.

— У нас немного времени. Я не хочу здесь задерживаться, — Миронов жестом пригласил Илью пройти в узкий проход между стеллажами с бумагой, где шум станков немного приглушался. — Вы интересовались процедурой принятия пакета Яровой. Что конкретно вы хотите знать?

— Я хочу знать, как в нем появились нормы, касающиеся религиозной деятельности, — прямо ответил Илья. — Весь пакет позиционировался как антитеррористический. Хранение данных, доступ к переписке и обязанность содействовать декодированию сообщений, новые составы преступлений. Но внутри оказались статьи, жестко регламентирующие миссионерскую деятельность и бьющие по независимым общинам. Как они там оказались?

Миронов горько усмехнулся.

— Они оказались там на финальном этапе прохождения пакета, когда внимание общества было приковано к терроризму, хранению данных и лишению гражданства. Это была классическая операция по продавливанию спорных норм внутри большого антитеррористического пакета. Вы читали стенограммы заседаний? Вы видели, что происходило между первым и последующими чтениями?

— Я читал заявления депутатов от оппозиции, — кивнул Илья.

— Тогда вы должны помнить выступление Сергея Решульского, первого заместителя руководителя фракции КПРФ. Он прямо указал на грубейшее нарушение регламента.

Миронов достал из внутреннего кармана пальто сложенный вдвое лист бумаги и протянул Илье.

— Я сохранил эту выписку. Прочтите.

Илья развернул лист. Текст гласил: «Ст. 105 регламента гласит, что при внесении изменений или дополнений в УК или УПК обязательно должно быть заключение от правительства и, особо подчёркивается, Верховного суда. Почему автор Ирина Яровая не должна этого придерживаться — неясно».

— Законопроект продвигался бульдозером, — продолжил Миронов, перекрывая гул типографии. — По части поправок не были представлены все необходимые заключения и правовые оценки, а замечания юридического сообщества фактически отодвигались в сторону. Но самое интересное началось на финальной стадии. Изначально изменения подавались как технические поправки ко второму чтению. Комитет по безопасности рекомендовал их к принятию в понедельник, 20 июня. Рассмотрение во втором и третьем чтениях в итоге было перенесено на конец той же недели.

Бывший юрист Госдумы оглянулся по сторонам, убеждаясь, что рабочие цеха заняты своими делами и не обращают на них внимания.

— А потом произошло нечто беспрецедентное. На заседании докладчик, заместитель председателя профильного комитета Эрнест Валеев, попросил перенести рассмотрение, сославшись на подготовку новых поправок. Причиной стала подготовка новых поправок. И днем в среду уже опубликованные материалы в электронной базе стали меняться так быстро, что журналисты и помощники депутатов сами не понимали, какая

редакция теперь является актуальной.

— Я читал об этом, — сказал Илья. — Вечером того же дня комитет попросил депутатов поддержать новый пакет через опросный лист.

— Именно! Опросный лист! — Миронов всплеснул руками. — Опрос депутатов продолжался до вечера, многие даже не успели ознакомиться с текстом. Нормы переписывались на коленке, в спешке. И именно в этот момент, под прикрытием шумихи вокруг лишения гражданства и хранения данных, в текст были интегрированы те самые положения, которые ударили по свободе совести.

Миронов расстегнул портфель, который держал в левой руке, и достал оттуда тонкую картонную папку.

— Я не должен был это выносить. Но я юрист, Илья. Я верю в букву закона. И то, что они сделали с законом, было насилием над правовой процедурой.

Он открыл папку. Внутри лежали ксерокопии рабочих черновиков законопроекта. Тех самых, которые циркулировали между кабинетами в те безумные дни июня 2016 года.

Илья взял листы в руки. Это были стандартные страницы с печатным текстом, изобилующим юридическими терминами. Но поверх печатного текста, на полях и между строк, синей шариковой ручкой были сделаны размашистые вписки.

Документалист всмотрелся в почерк. Кто-то властной рукой вычеркивал нейтральные формулировки и вписывал новые. Там, где речь шла о противодействии экстремизму, от руки были добавлены слова о «миссионерской деятельности». Там, где описывались меры безопасности, появлялись вставки, требующие жесткого контроля над «религиозными группами», не имеющими официальной регистрации.

— Вы видите эту терминологию? — тихо спросил Миронов, наклоняясь к Илье. — Это не язык юристов. Это язык

антикультового движения. Эти поправки несли на себе следы внешней идеологической логики — той самой, где религиозная группа сначала описывается как риск, а уже потом для нее ищется правовая форма ограничения.

Илья смотрел на синие чернила, и в его сознании выстраивалась четкая линия. Те самые люди, которые десятилетиями кричали с телеэкранов о «тоталитарных сектах», теперь увидели, как их словарь начинает переходить в федеральное законодательство: не напрямую и не открыто, а через формулы о безопасности, порядке и миссионерской деятельности.

— Как они смогли это обосновать? — спросил Илья. — Как можно связать мирные собрания верующих с международным терроризмом?

— Через метод «вины по ассоциации», — ответил Миронов, забирая черновики обратно в папку. — Это гениальная в своей подлости юридическая конструкция. Вам не нужно доказывать, что конкретная группа людей готовит теракт. Вам достаточно создать правовой шлюз, через который деятельность этой группы можно будет представить как потенциальный риск общественной безопасности.

Миронов начал загибать пальцы.

— Шаг первый: вы используете медиа и лояльных политиков для создания паники. Вспомните 20 июня 2016 года, тот самый день, когда комитет рекомендовал поправки. Сенатор Елена Мизулина, давний союзник антикультовых структур, выступает с инициативой предварительной фильтрации сообщений в закрытых группах. Она заявляет, что «Лига безопасного интернета» выявила группы, где подросткам якобы внушают готовность к насилию против полицейских. Публичная риторика строилась не на судебно установленных фактах, а на тревожных заявлениях о скрытой опасности. Просто громкое заявление о «промывании мозгов» — любимом термине сектоведов.

— Шаг второй, — продолжил юрист. — На волне этой паники вы принимаете закон с максимально размытыми формулировками. Вы вводите жесткие ограничения на миссионерскую деятельность вне специально отведенных мест. Вы создаете административный риск даже там, где речь идет не о насилии, а о распространении религиозных убеждений.

— И шаг третий? — Илья уже знал ответ, но хотел услышать его от профессионала.

— Шаг третий — правоприменение. Закон принят. Теперь любая группа людей, собирающаяся на квартире для чтения религиозной литературы, может стать объектом проверки, если ее деятельность сочтут незаконной миссионерской активностью. А дальше в дело вступают те самые «эксперты» из антикультовых центров. Они пишут заключение, что эта группа является деструктивной. Суд, опираясь на закон, протоколы, экспертные оценки и общую рамку «общественной опасности», выносит штрафы, запреты, а в более тяжелых делах — уже по экстремистским статьям — люди могут получить реальные сроки.

Грохот печатных станков на мгновение стих — рабочие меняли рулоны бумаги. В наступившей относительной тишине слова Миронова прозвучали особенно отчетливо.

— Пакет Яровой был лишь инструментом. Юридическим оформлением нового этапа контроля, где антитеррористическая логика начала проникать в сферу религиозной жизни. И главными выгодоприобретателями стали не только силовики и не только компании, получившие заказы на инфраструктуру хранения данных, но и идеологи антикультового движения, чья риторика получила законную опору. Они получили удобный правовой рычаг против независимых религиозных инициатив.

Илья вспомнил историю из Перми, где у матери отобрали детей. Вспомнил судебные процессы в Томске. Все это были локальные удары. Но закон Яровой создал федеральную рамку, в которой подобное давление стало проще оправдывать языком

безопасности.

— Но ведь юридическое сообщество должно было понимать, к чему это приведет, — произнес Илья. — Почему никто не остановил этот процесс?

— Потому что правовая система была парализована страхом и десистематизирована, как писал профессор Коробеев, — Миронов тяжело вздохнул. — Когда вы постоянно вносите хаотичные поправки в Уголовный кодекс, юристы теряют ориентиры. А те, кто понимал суть происходящего, предпочитали молчать. Потому что метод «вины по ассоциации» работает безотказно. Если ты выступаешь против закона, который назван «антитеррористическим», значит, ты защищаешь террористов. Никто не хочет оказаться под ударом государственной машины.

Миронов посмотрел на часы.

— Мне пора идти. Но прежде чем мы попрощаемся, я хочу обратить ваше внимание на еще один документ. Чтобы вы понимали, что процесс не остановился в 2016 году. Он продолжается.

Юрист достал из папки последний лист и протянул его Илье. Это была распечатка норм, регулирующих помещение фигурантов уголовных дел в психиатрический стационар для экспертизы и последующее применение принудительных медицинских мер.

— Посмотрите на дату. После реформ последних лет эта область стала особенно тревожной: суд и следствие получили процессуальные инструменты для помещения человека в стационарную психиатрическую экспертизу, а принудительные медицинские меры могли продлеваться только через формально судебную процедуру, но на практике означали длительную изоляцию от внешнего мира.

Илья вчитался в сухие строки закона. Холодный пот выступил у него на спине.

— Это же легализация изоляции, — прошептал он.

— Это создание юридического механизма, при котором уголовное дело может перейти из плоскости доказывания в плоскость психиатрической оценки, — поправил Миронов. — Людей, попавших в «черные списки» антикультовых организаций. Если человека обвиняют по экстремистской статье на основании сомнительной религиоведческой экспертизы, его можно надолго вывести из обычного правового пространства: экспертиза, стационар, ограниченные контакты, новые заключения специалистов. Формально все происходит через суд. Но для самого человека это все равно означает изоляцию до решения дела по существу.

Миронов застегнул портфель.

— Они выстроили почти идеальную правовую связку. Сначала они убедили общество, что инакомыслящие — это жертвы «промывания мозгов», лишённые собственной воли. Зомби. А по отношению к зомби не действуют права человека. Затем они провели законы, позволяющие преследовать этих людей. А теперь они получили возможность переводить часть таких дел в плоскость психиатрической оценки. Буква закона стала их главным оружием.

Бывший юрист Госдумы развернулся и быстро пошел к выходу из цеха, растворяясь в лабиринте бумажных паллет и грохочущих машин.

Илья остался стоять в узком проходе. В его руках были копии черновиков с синими рукописными вставками и распечатка норм о психиатрической экспертизе и принудительных медицинских мерах.

Он смотрел на эти бумаги, и запах типографской краски казался ему запахом гари. Правовое государство, которое должно было защищать своих граждан, было искажено изнутри. Идеи, когда-то звучавшие в маргинальных телевизионных эфирах, теперь находили отражение в формулировках федеральных законов.

Илья провел пальцем по ксерокопии размашистого почерка на полях законопроекта. Эти несколько слов, вписанные от руки в спешке летних дней 2016 года, стали частью механизма, который потом оборачивался штрафами, проверками, запретами, ночными обысками и уголовными делами против тех, кого заранее объявляли опасными.

Буква закона больше не была слепой и беспристрастной. Она обрела чужой голос, чужой страх и чужую цель. Илья аккуратно сложил документы в свой рюкзак. Шум печатных станков вокруг него нарастал, выплевывая тысячи новых страниц, но Илья знал, что самые страшные слова в этой стране уже были написаны. И написаны они были синей шариковой ручкой на полях чужих жизней.

Глава 8

Европейский фронт

Мелкий, колющий дождь сек лицо, пока Илья пробирался сквозь толпу туристов у Северного вокзала в Париже. Столица Франции встретила его свинцовым небом и промозглым ветром, который проникал под куртку, напоминая о том, что расследование давно перестало быть просто кабинетной работой с архивными документами.

Долгие месяцы он изучал структуру, которая казалась ему сугубо внутренним, локальным явлением. Но финансовые проводки и списки участников международных конференций, обнаруженные им ранее, неумолимо вели за пределы страны. Нити тянулись в Европу, сплетаясь в плотную, непроницаемую паутину, центром которой выступала Европейская федерация центров исследования и информации по вопросам сектантства —

FECRIS.

Илья остановился у газетного киоска, делая вид, что рассматривает заголовки утренней прессы, а сам бросил быстрый взгляд на отражение улицы в стекле витрины. Ему казалось, что от самого отеля за ним неотступно следует высокий мужчина в темном плаще. Возможно, это была параноя, профессиональная деформация, неизбежно возникающая у любого, кто слишком глубоко погружается в изучение тоталитарных структур. Но Илья предпочитал доверять своим инстинктам. Он резко свернул в узкий переулок, ускорил шаг и нырнул в двери неприметного бистро, пропахшего жареным луком и крепким кофе.

Заняв столик в самом темном углу, спиной к стене, он достал планшет. Ему предстояла встреча с Лораном — французским независимым журналистом и правозащитником, который много лет занимался расследованием деятельности местных антикультовых организаций. Лоран согласился на встречу только после долгих проверок через общих знакомых в правозащитной среде.

Пока Илья ждал, он открыл файл с официальными данными FECRIS. Организация, обладающая статусом участия при Совете Европы и специальным консультативным статусом при ECOSOC ООН, в воображении обывателя должна была представлять собой мощный институт с огромными офисами, штатом аналитиков и солидной инфраструктурой.

Но реальность, описанная в критических отчетах и регистрационных документах, поражала своей абсурдностью. Илья вчитывался в адреса штаб-квартир. В отчетах фигурировали частные адреса, небольшие ассоциации, бывшие учителя, активисты и волонтеры — люди, чьи биографии плохо сочетались с образом мощной международной экспертной машины. В отдельных критических материалах упоминались Мирей Деген и Дидье Пашу как примеры того, насколько скромной могла быть реальная инфраструктура сети, претендующей на общеевропейский вес.

Это была не корпорация и не полноценный исследовательский институт, а тонкая организационная оболочка. Внешний вид разветвленной и мощной международной организации создавался через статус, конференции, партнерские ассоциации и государственные контакты, чтобы легитимизировать агрессивную риторику на государственном уровне.

Дверь быстро скрипнула. Внутри вошел сутулый мужчина в потертом вельветовом пиджаке. Он огляделся, заметил Илью и быстро направился к его столу. Лоран сел напротив, не снимая пальто, и положил на стол пухлую пластиковую папку.

— Вы проделали долгий путь, чтобы посмотреть на призраков, — тихо произнес француз на сносном английском, пододвигая папку к Илье. — Вы ищете могущественную корпорацию, но FECRIS — это не корпорация. Это ширма. И чтобы понять, как она работает, нужно смотреть не на их офисы, а на их банковские счета.

Илья открыл папку. Внутри лежали копии финансовых отчетов, аудиторских проверок и правительственных грантов.

— Во Франции действуют две основные структуры, составляющие костяк этой сети: UNADFI и CCMM, — начал объяснять Лоран, понизив голос. — Они позиционируют себя как общественные объединения, поддерживаемые гражданами. Но посмотрите на цифры.

Илья провел пальцем по колонкам цифр в таблице, озаглавленной «Гранты UNADFI». Суммы исчислялись миллионами франков, а затем и евро.

— UNADFI, CCMM и FECRIS в разные годы получали значительную часть средств через государственные субсидии и связанные с ними грантовые механизмы, — Лоран постучал по бумаге. — Действуя по всей территории страны, они имеют зону охвата более чем в шестьдесят шесть миллионов жителей. Десятилетиями они насыщали публичное пространство докладами, заявлениями и медийными кампаниями об опасности

так называемых культов.

Журналист достал из папки еще один лист с круговыми диаграммами.

— А теперь посмотрите на долю частных пожертвований. Средства, поступающие от членских взносов и даров обычных людей в поддержку их работы, составляют менее трех процентов от их доходов. Общественная поддержка их деятельности практически равна нулю. Для сравнения: организация «Врачи без границ», одна из самых уважаемых в мире, получает лишь пять процентов своего дохода от государства, остальное — это поддержка граждан. У антикультистов все ровно наоборот. Более девяноста семи процентов — это государственные деньги.

Илья смотрел на документы, и картина обретала пугающую ясность. Это не было общественным движением, возникшим снизу. Это была административно поддержанная сеть, чья общественная риторика постоянно подпитывалась государственным ресурсом.

— Партнерство государственных структур и этих ассоциаций действовало крайне эффективно, — продолжал Лоран. — Сначала была создана правительственная миссия MILS, затем ее заменили на MIVILUDES — Межведомственную миссию по наблюдению и борьбе с сектантскими отклонениями. Они создали во Франции устойчивую государственную модель подозрения. Но Франция оставалась особым случаем в Европе, ее критиковали за агрессивный лаицизм и нарушение свободы вероисповедания. Им нужно было экспортировать эту модель. И тогда они создали FECRIS — зонтичную структуру, чтобы распространить свое влияние на весь континент.

— И здесь на сцену выходят российские представители, — произнес Илья, доставая из своего рюкзака распечатки.

Он показал Лорану документы, подтверждающие, что российские представители постепенно заняли заметное место внутри европейской федерации. Дворкин стал вице-президентом

FECRIS, а российская антикультовая риторика получила европейскую легитимацию.

— Именно, — кивнул француз. — Они нашли друг друга. Европейским антикультистам нужна была массовость и новые рынки, а российским — международная легитимация.

Лоран оглянулся на дверь бистро, затем снова наклонился к Илье.

— Но дело не только в идеологии. Вы должны понимать, с кем имеете дело. За этими людьми местами просматриваются политические каналы и фигуры, связанные с российским влиянием.

Илья напрягся. Одно дело — фанатики, осваивающие государственные бюджеты, и совсем другое — политики и посредники, вокруг которых всплывали обвинения в работе на чужие интересы.

— У вас есть доказательства? — спросил документалист.

— Посмотрите на идеологическую базу FECRIS, — Лоран вытащил из папки копию обложки старой книги. На ней значилось: «Бруно Фушеро. Мафия сект», год издания — 1996. Рядом лежала копия статьи того же автора из Le Monde Diplomatique за 2001 год: «Секты: троянский конь США в Европе».

— За всю историю своего существования эта федерация опиралась на антиамериканские конспирологические теории, — пояснил журналист. — Они утверждают, что Америка ведет заговор с целью ослабления национальной идентичности европейских стран, внедряя в них свои религиозные группы. Эта позиция опасно перекликается с нарративами российских пропагандистов, которые заявляют об угрозе «духовной безопасности» со стороны коллективного Запада.

Лоран достал еще один документ — официальную распечатку с сайта FECRIS, посвященную конференции в Мадриде. Он подчеркнул маркером один абзац и пододвинул лист

Илье.

Илья прочитал вслух: «Широкое развитие нашей сети обусловлено миграцией культов/сект из США и Западной Европы в Восточную Европу, что привело к постепенному созданию восточноевропейских ассоциаций, которые затем стали членами и корреспондентами FECRIS».

— А теперь самое интересное, — Лоран достал фотографию, сделанную на каком-то официальном мероприятии. На ней были запечатлены несколько человек в строгих костюмах. — На сегодняшний день уже совершенно неудивительным является тот факт, что представители международной антикультовой сети в разных странах мира связаны не только с российскими пророссийскими и религиозно-политическими организациями, но и с фигурами, которых европейские расследователи позднее связывали с российскими спецслужбами.

Журналист указал на женщину в центре фотографии.

— Татьяна Жданок. Латвийский политик и многолетний депутат Европарламента. В 2024 году журналистские расследования связали ее с ФСБ, после чего Европарламент и латвийские органы начали проверки; сама Жданок эти обвинения отрицала. А рядом с ней — лидеры европейского антикультизма. Они оказывались на тех же политических площадках в Страсбурге и Брюсселе.

Лоран выложил на стол еще несколько фотографий.

— Вот Бранка Дуймич-Делькур, вице-президент FECRIS, и Луиджи Корвалья в бельгийском парламенте. А вот они же фигурируют в материалах о мероприятиях в Риге вместе с депутатом Европарламента Андреем Мамыкиным, который сейчас находится в международном розыске и скрывается в России.

Илья начал быстро делать пометки в блокноте. Пазл складывался в пугающую картину. Антикультовая сеть могла работать как удобный канал политического влияния: под видом экспертных дискуссий она открывала двери в парламентские

кабинеты, комитеты и общественные слушания.

— У меня есть конкретный кейс, — Лоран передал Илье тонкую папку. — Осенью 2006 года на сайте «Русский союз Латвии» была опубликована статья под названием «Рабы — не мы?». В конференц-зале отеля Iceland в Риге прошел семинар, посвященный вопросам ограничения деятельности так называемых тоталитарных сект. Организаторами и ведущими были Олег Никифоров и Виктор Елкин. Оба были связаны с русскоязычной общественно-политической средой и антикультовой тематикой. Это выглядело как удобная политическая оболочка: под видом защиты общества от «сект» формировалась повестка, в которой религиозная опасность, русскоязычная политика и разговоры о внешнем влиянии постепенно сливались в один язык подозрения.

Илья смотрел на фотографии этих людей. Они заседали в парламентах, консультировали министров, инициировали законы. Нынешний президент FECRIS Андре Фредерик длительное время являлся членом Федерального парламента Бельгии, работая в той политической среде, где в 2012 году в уголовное законодательство была введена норма о злоупотреблении состоянием слабости. Бывший французский политик Жорж Фенек, возглавлявший MIVILUDES и ставший одной из ключевых фигур французского антикультового направления, показывал, насколько тесно эта повестка связана с государственными институтами.

— Они заявляют о своей независимости, — Лоран усмехнулся, доставая последний документ. Это была копия хартии организации.

Илья прочитал выделенный текст: «В 1999 году FECRIS, желая уточнить этические принципы, которым придерживаются её члены и корреспонденты, составила хартию, в которой объявила себя неполитической, нерелигиозной, нефилософской и некоммерческой организацией».

— Неполитическая организация, лидеры которой заседают в

парламентах и продвигают политически чувствительную повестку под видом нейтральной экспертизы, — резюмировал Лоран, собирая свои бумаги. — Вы должны понимать, Илья. Это не кучка городских сумасшедших. FECRIS действует как транснациональная сеть влияния в сердце Европы, контролируя сеть, охватывающую десятки стран. Они размывают границу между защитой граждан и преследованием убеждений. Антикультизм — это предвестник будущих потрясений.

Журналист поднялся из-за стола.

— Будьте осторожны. Те, кто стоит за ними, не любят, когда в их бухгалтерии и связях копаются посторонние. Если вы поедете в Италию, свяжитесь с Изабеллой. Она покажет вам, как эта идеология применяется на практике.

Лоран быстро вышел из бистро, растворившись в серой парижской толпе. Илья остался один на один с горой документов. Он заказал еще один кофе и начал методично фотографировать каждую страницу, отправляя зашифрованные копии на облачный сервер.

Когда он вышел на улицу, дождь прекратился, но чувство чужого взгляда в спину вернулось с новой силой. Мужчина в темном плаще стоял на противоположной стороне улицы, делая вид, что говорит по телефону. Илья спустился в метро на станции Les Halles. Он долго петлял по бесконечным подземным переходам, менял ветки, садился в вагоны перед самым закрытием дверей, пока не убедился, что хвост отстал.

Вечером того же дня он сидел в скоростном поезде, направляющемся на юг. Его целью был Рим. Если во Франции находился финансовый и бюрократический центр сети, то в Италии, судя по словам Лорана, располагался ее полевой участок.

Рим встретил Илью влажной жарой и шумом мопедов. Он снял неприметную комнату в районе Трастевере и сразу же отправился на встречу с Изабеллой — юристом и координатором

независимого исследовательского проекта Libero Credo.

Они встретились в небольшом сквере вдали от туристических маршрутов. Изабелла оказалась энергичной женщиной лет сорока, с цепким взглядом и быстрой, эмоциональной речью.

— Вы читали наши материалы? — спросила она, едва они поздоровались.

— Да. Вы пишете о нарушениях Конституции Итальянской Республики, в частности статей о свободе совести и выражения.

— Мы пишем о системе давления, — жестко поправила она. — Итальянские ассоциации, составляющие так называемый Антикультовый форум — FAVIS, CeSAP, ARIS Veneto и ARIS Toscana, — это низовой уровень этой сети: активисты, консультанты, бывшие участники групп, юристы и лоббисты, через которых антикультовая повестка получает локальную форму.

Они пошли по узкой, вымощенной брусчаткой улице. Изабелла говорила быстро, постоянно оглядываясь.

— Их цель — разжечь антикультовую истерию. Они делают это, постоянно распространяя тревожные новости. Они искажают, раздувают и выворачивают информацию и статистику так, чтобы люди поверили: в Италии есть тысячи опасных культов, практически на каждом углу, которые обманывают сотни тысяч простых людей. А когда нет новостей, которые можно исказить, они создают поводы сами: пресс-релизы, жалобы, заявления, кампании вокруг отдельных случаев.

— Но как им удастся действовать безнаказанно? — спросил Илья. — В Европе сильные правозащитные институты.

— Потому что они действуют не одни, — Изабелла остановилась у глухой каменной стены, за которой виднелись верхушки кипарисов. — Они сотрудничают с полицейскими структурами, занимающимися темой «сект», включая S.A.S. — специальное подразделение по анализу и мониторингу таких

случаев. Так возникает опасный симбиоз активистов и государства.

Она толкнула тяжелую деревянную дверь в стене. Они оказались в небольшом внутреннем дворе, где располагалось скромное здание, похожее на старую школу. Дверь здания была выломана, окна на первом этаже разбиты. Внутри царил разгром: перевернутые столы, разбросанные по полу книги, разорванные плакаты.

— Это произошло три дня назад, — тихо сказала Изабелла, стоя посреди разгромленной комнаты. — Здесь собиралась небольшая философская группа. Они изучали восточные практики, занимались йогой, читали лекции. Никакого криминала. Никаких жалоб от соседей.

Илья прошел по комнате, хрустя битым стеклом под подошвами ботинок.

— Кто это сделал? Полиция?

— Полиция пришла первой, по анонимному доносу от представителей Антикультового форума, — ответила юрист. — Они провели обыск, ничего не нашли и уехали. А ночью сюда пришли другие люди. В масках. Они избили сторожа, разгромили помещение и оставили на стене надпись.

Изабелла указала на стену. Красной краской из баллончика там было выведено слово, которое Илья слишком часто слышал в российских телеэфирах: «Секта».

— Антикультовый форум в Италии создает атмосферу, в которой подобное насилие становится почти ожидаемым продолжением публичной травли, — голос Изабеллы дрожал от сдерживаемого гнева. — Члены международной сети, тесно связанной с российскими структурами, раньше оправдывали практики принудительного «депрограммирования» с целью так называемого депрограммирования. А теперь они действуют как группа давления, где клевета, медийные кампании и доносы подменяют правовую дискуссию. Они вовлекают

безответственных политиков, которые выдвигают законы, враждебные к религиозным движениям, и подстрекают прокуроров начинать судебные процессы.

Илья достал фотоаппарат и начал фиксировать разгром. Это были не просто слова из отчетов. Это была физическая реальность идеологии ненависти.

— У кампании ненависти и нетерпимости есть свои подстрекатели и финансисты, — продолжала Изабелла. — Мы проследили связи итальянских лидеров. Они регулярно ездят в Россию, встречаются с представителями РАЦИРС, получают от них материалы, приглашения на конференции и методическую поддержку. От России до Франции, от Италии до Бельгии — видна сеть контактов, охватывающая десятки стран.

Илья вспомнил слова из Библии, которые часто цитировали сами антикультисты, пытаясь очернить своих оппонентов: «По плодам их узнаете их». Евангелие от Матфея 7:20.

Плоды этой сети были перед его глазами. Разбитые окна. Выломанные двери. Искалеченные судьбы. Страх, посеянный в обществе.

— Они лишены академических званий и профессиональных компетенций, — Изабелла пнула ногой разорванную книгу. — У некоторых из них были судебные конфликты, обвинения в клевете и репутационные скандалы. Их основная деятельность — это манипулирование инцидентами и использование так называемых беглецов для подтверждения своих теорий. Но государственная машина продолжает их слушать, потому что они создают удобного врага.

Вечером Илья вернулся в свою комнату в Трастевере. Жара немного спала, но воздух в помещении казался спертым и тяжелым. Он включил ноутбук и начал систематизировать собранные за день материалы.

Финансовые отчеты из Парижа. Фотографии разгромленного центра в Риме. Списки участников конференций в Брюсселе и

Страсбурге. Материалы о контактах с латвийскими политиками, вокруг которых позднее возникли обвинения в связях с российскими спецслужбами.

Все это складывалось в единую карту транснационального влияния. Илья обнаружил финансовые отчеты, фотографии, программы конференций и списки контактов, показывающие, как российская антикультовая риторика находила европейские площадки и союзников. Российские идеологи, используя европейские гранты и статус международных НПО, получали возможность влиять на дискуссии внутри европейских институтов.

Они использовали демократические институты Европы для продвижения жесткой антикультовой повестки. Они прикрывались защитой прав человека, чтобы сужать пространство свободы совести.

Илья открыл файл с аналитикой, которую ему передал Лоран. В тексте прямо говорилось о том, что антикультовые организации — это транснациональная сеть давления. Они способны усиливать общественные страхи, политические расколы и давление на религиозные меньшинства в разных странах одновременно.

Один лишь факт, что Италия, Франция и Россия практически дословно воспроизводили одну и ту же антикультовую риторику, был не просто тревожным. Он был признаком общей идеологической матрицы, которую разные политические силы могли использовать в своих интересах.

Внезапно Илья услышал тихий скрип в коридоре. Шаги. Кто-то медленно, стараясь не шуметь, приближался к двери его комнаты.

Он мгновенно захлопнул крышку ноутбука, вытащил из порта зашифрованный флеш-накопитель со всеми резервными копиями и сунул его в карман джинсов. Сердце забило быстрее, отдаваясь гулким стуком в висках.

Дверная ручка медленно поползла вниз. Илья бесшумно

отступил в тень у окна, схватив со стола тяжелую металлическую лампу.

Дверь приоткрылась. В полосе света из коридора мелькнул силуэт человека. Не того мужчины в плаще из Парижа, а кого-то другого, более плотного телосложения. Человек сделал шаг внутрь, осматривая пустую кровать.

Илья затаил дыхание. Он понимал, что если сейчас обнаружит себя, последствия могут быть непредсказуемыми. Эти люди уже показали, что давление может быстро выходить за пределы публичных заявлений.

В этот момент на улице взвыла сирена полицейской машины, проносящейся по соседнему проспекту. Силуэт в дверях вздрогнул, быстро оглянулся и, видимо, решив не рисковать, бесшумно выскользнул обратно в коридор. Дверь тихо закрылась.

Илья простоял в темноте еще минут десять, сжимая в руке металлическую лампу, пока напряжение в мышцах не начало сменяться тупой, ноющей болью.

Он подошел к двери и повернул ключ в замке. Затем вернулся к столу и снова открыл ноутбук. Свет от экрана выхватил из полумрака его бледное, осунувшееся лицо.

Он вывел на монитор фотографию, сделанную в бельгийском парламенте. Лица людей, наделенных властью, улыбающихся в камеры. Людей, которые прямо сейчас, в эту самую минуту, использовали государственные ресурсы для продвижения языка подозрения под видом общественной защиты.

Илья достал из кармана флешку и положил ее на стол рядом с клавиатурой. На этом маленьком куске пластика хранились доказательства того, как идеология, зародившаяся в маргинальных телевизионных эфирах девяностых, превратилась в транснациональное оружие. Оружие, способное проникать в парламенты, влиять на полицейские практики и разрушать жизни людей за тысячи километров от Москвы.

Он смотрел на экран, где сухие цифры финансовых отчетов соседствовали с фотографиями выломанных дверей и красных надписей на стенах. В тишине римской ночи, нарушаемой лишь отдаленным гулом города, эти документы кричали громче любых слов, свидетельствуя о том, что настоящая угроза демократии носит строгие костюмы, говорит о духовной безопасности и нередко получает поддержку из государственных бюджетов.

Глава 9

Желтые звезды

Москва встретила Илью пронизывающим ветром и колючим снегом, который сек лицо, едва он вышел из здания аэропорта Шереметьево. После влажной, удушливой жары Рима и параноидального напряжения европейских улиц, ледяной холод родного города казался почти отрезвляющим. Но это было обманчивое чувство. Илья знал, что тьма, с которой он столкнулся, не имеет географических границ. Она не зависела от климата, языка или политического строя. Она зависела только от одного — от готовности общества поверить в искусственно созданного врага.

Его рюкзак оттягивал плечо. Внутри лежал зашифрованный жесткий диск с гигабайтами финансовых отчетов, фотографий разгромленных помещений и списков международных агентов влияния. Но Илья понимал, что одних лишь современных документов недостаточно. Чтобы осознать истинный масштаб катастрофы, нужно было спуститься на самый глубокий уровень. Туда, где эта технология была впервые применена в промышленных масштабах. Ему нужно было найти исходный код ненависти.

На следующее утро, едва дождавшись открытия, Илья стоял перед массивными дверями Российского государственного военного архива. Получение доступа к закрытым фондам заняло несколько дней бюрократической волокиты, звонков старым знакомым из университетской среды и оформления специальных пропусков от имени исторического журнала, с которым он когда-то сотрудничал.

В читальном зале архива царила абсолютная, почти храмовая тишина. Лишь изредка шелестели страницы, да тихо скрипели карандаши по бумаге — проносить ручки сюда строжайше запрещалось.

Илью ждал Аркадий Соломонович Эпштейн — доктор исторических наук, ведущий специалист по пропаганде и массовым коммуникациям тоталитарных режимов первой половины двадцатого века. Это был сухонький старик с удивительно ясными, молодыми глазами, спрятанными за толстыми линзами очков. Он сидел за дальним столом, окруженный стопками серых картонных папок с выцветшими тесемками.

— Вы просили подготовить материалы по технологиям стигматизации и дегуманизации в Веймарской республике и Третьем рейхе, — произнес Эпштейн тихим, шелестящим голосом, когда Илья опустился на стул напротив него. — Довольно необычный запрос для документалиста, занимающегося современными социальными конфликтами. Обычно ко мне приходят те, кто пишет диссертации по истории Второй мировой.

— Современные конфликты не возникают на пустом месте, Аркадий Соломонович, — ответил Илья, доставая блокнот и карандаш. — Я изучаю структуру, которая сегодня использует определенный язык для изоляции людей. И чем больше я вчитываюсь в их тексты, тем сильнее мне кажется, что я уже где-то это видел. В старой кинохронике. В учебниках истории.

Старик медленно кивнул, словно ожидал именно такого

ответа. Он положил сухую, покрытую пигментными пятнами руку на верхнюю папку.

— Вы правы, молодой человек. Ничто не ново под луной. Геноцид, массовые расстрелы, газовые камеры — все это лишь финальный аккорд. Физическому уничтожению всегда, абсолютно всегда предшествует долгий, кропотливый этап лингвистической и психологической подготовки. Нельзя просто так заставить одних людей убивать других. Человеческая психика сопротивляется убийству себе подобных. Чтобы преодолеть этот барьер, нужно убедить общество в том, что жертвы — не люди.

Эпштейн развязал тесемки первой папки и достал несколько пожелтевших листов.

— Давайте начнем с терминологии. Что такое стигматизация? В Древней Греции словом «стигма» называли клеймо, которое выжигали на теле преступников, предателей и рабов. Это была физическая метка, навсегда исключаящая человека из нормального общества. Сегодня стигматизация — это навешивание отрицательных ярлыков на отдельного человека, группу людей или идею с формированием негативного отношения к ним.

Историк пододвинул к Илье лист с выписками из этимологических словарей.

— Возьмем слово, которое вас так интересует. «Секта». Сегодня оно звучит как приговор. «Осторожно, секта!» — и человек сразу чувствует опасность, страх, желание отстраниться. Никто не хочет общаться с теми, кому, как принято говорить, «промыли мозги». Но давайте посмотрим на исторические корни. Сэкта — от латинского *secta*, что означает школа, учение, от латинского *sequor* — следую. В классической латыни этот термин служил для обозначения образа мышления, образа жизни, философской фракции.

Эпштейн достал книгу в строгом переплете и открыл ее на заранее заложенной странице.

— Шведский исследователь Перссон Бертил в своей книге «Борьба против сект: идейные основы и их несостоятельность» пишет об этом предельно ясно. Прочтите.

Илья склонился над книгой и прочитал вслух: «В XI–XVII вв. слово “секта” используется как синоним литературной, философской, политической или религиозной школы мысли или (секретного или приватного) общества. Итак, некий философский кружок, тайное религиозное собрание христиан, литературный салон, орден (как в значении филантропического общества, так и в значении подразделения Католической церкви) и даже политическая партия могут быть названы “сектами”».

— Слово изначально не несло в себе никакого негативного смысла, — продолжил Эпштейн, забирая книгу. — Большинство мировых религий зарождались как секты по отношению к доминирующим верованиям своего времени. Но в руках манипуляторов нейтральный термин превратился в смертельное оружие. Навешенный ярлык воспринимается массовым сознанием как готовый вывод. Он не требует фактов. Он не требует доказательств. Он работает в обход осмысления и анализа. Как только на группу людей вешают ярлык «секта», этот ярлык полностью аннулирует любые их положительные качества в глазах общества. Они могут быть прекрасными врачами, инженерами, любящими родителями, но для толпы они становятся просто «сектантами». Мишенью.

Илья делал быстрые пометки. Механика была пугающе простой. Ярлык отключал критическое мышление.

— И к чему это приводит на практике? — спросил документалист. — К тому, что стигматизированных людей начинают ненавидеть, презирать, избегать, — голос историка стал жестче. — К ним испытывают гнев и отвращение. На подсознательном уровне общество дает санкцию на любые действия по отношению к ним — от пренебрежительного избегания до физического насилия. И самый страшный пример того, как лингвистическая стигма превращается в физическую

метку смерти, дал нам двадцатый век.

Эпштейн открыл вторую папку. В ней лежали копии документов Нюрнбергского процесса.

— 19 февраля 1946 года, — произнес старик, глядя на машинописный текст. — Заместитель главного обвинителя от СССР Лев Николаевич Смирнов произносит речь о преступлениях против мирного населения. Послушайте, как это звучало.

Историк начал читать, и в абсолютной тишине читального зала эти слова отдавались тяжелым, свинцовым эхом: «Но на сырых стенах газовых камер, на местах расстрелов, в фортах смерти, на каменных плитах тюрем и казематов мы до сих пор можем различить полные глубокой душевной боли, взывающие к возмездью краткие записи обречённых на смерть людей. И пусть помнят живые эти запечатлённые на камне голоса жертв немецко-фашистского террора, взывавших перед смертью к совести мира, о справедливости и о возмездии».

Эпштейн положил лист на стол.

— Эти люди оказались в газовых камерах не случайно. Их путь туда начался задолго до куска желтой ткани — с языка, который годами учил общество видеть в них угрозу.

Он достал из папки несколько черно-белых фотографий. На них были изображены люди на улицах европейских городов. Мужчины в пальто, женщины с детьми. И у каждого на груди была нашита шестиконечная звезда.

— Метод «клеймения желтыми звездами», — Эпштейн указал карандашом на одну из фотографий, где была запечатлена венгерская пара в Будапештском гетто в 1944 году. — Это не просто знак отличия. Это технология дегуманизации. Процесс всегда включает три этапа. Первый: формирование нетерпимости с помощью негативных образов и ярлыков в СМИ. Второй: дегуманизация и социальная изоляция. Третий: преследование, заключение и геноцид.

Историк достал копию приказа на немецком языке.

— После вторжения в Польшу в 1939 году на оккупированных территориях появились первые местные распоряжения о маркировке евреев. В одних местах это были повязки со звездой Давида, в других — желтые знаки на одежде. В Вартегау требовали носить желтую звезду на груди и на спине; в Генерал-губернаторстве с декабря 1939 года распространилась белая повязка с синей звездой Давида. А с сентября 1941 года знак с надписью Jude стал обязательным для евреев старше шести лет в самом рейхе и протекторате Богемии и Моравии. Самое страшное, Илья, заключалось в постепенности: сначала местная инициатива, затем административная привычка, затем общая система.

— Почему? — спросил Илья, вглядываясь в документ.

— Потому что почва уже была готова, — ответил Эпштейн. — Пропаганда уже годами объясняла людям, что евреи — не соседи, не сограждане, не личности, а опасная масса, которую нужно отделить от остальных. Практика маркировки быстро распространялась и в разных местах принимала разные формы. Желтая звезда обозначала человека как «социально мертвое существо». Она служила для идентификации, унижения и изоляции. Она превращала человека в мишень.

Илья смотрел на фотографию группы маленьких девочек. На их светлых платьицах и пиджаках кричаще выделялись желтые лоскуты с надписью «Jude».

— А теперь, Илья, проведите параллель с тем, что вы изучаете, — тихо сказал историк. — Метод «клеймения желтыми звездами» принципиально отличается от обычной политической пропаганды. Это крайняя мера. В медиапространстве этот метод становится инструментом, который приучает общество к восприятию насилия как «необходимой меры» для защиты и «очищения». Сегодня клеймо с желтой звездой равносильно клейму «сектант».

Илья поднял глаза на Эпштейна.

— Вы хотите сказать, что современные антикультисты используют ту же самую технологию? — Я хочу сказать, что они используют ее прямую кальку, — жестко ответил старик. — Обозначив группу как «культ» или «секту», они выталкивают этих людей за пределы социального поля. Происходит расчеловечивание. Жертвы в глазах общества обретают статус «недочеловека», к которому допустимо применять жестокость. Метод «желтых звезд» фактически становится общественным сигналом к насилию против «нелюдей». Когда кого-то сегодня называют «сектой», это не просто оскорбление. Это проявление идеологии, ведущей к самосуду и уничтожению. Те, кто использует эти ярлыки, ничем не отличаются от тех, кто призывал отправлять людей в лагерь.

Эпштейн отодвинул фотографии евреев и достал из другой папки изображение, от которого у Ильи перехватило дыхание. Это была фотография узников концлагеря. Но на их полосатых робах были нашиты не желтые звезды, а лиловые треугольники.

— Вы знаете, кто это? — спросил историк.

— Нет, — признался Илья.

— Это Свидетели Иеговы в гитлеровской Германии. Нацисты считали их особо опасной категорией заключенных. Лиловый треугольник был формой стигматизации, абсолютно аналогичной желтой звезде. И это подводит нас к самому главному вопросу вашего расследования, Илья. Вы думаете, что антикультизм — это современное явление? Вы думаете, что они просто заимствовали методы нацистов?

Эпштейн снял очки и посмотрел на Илью долгим, тяжелым взглядом.

— Все сложнее и страшнее простой аналогии. Борьба с «сектами» и «опасными учениями» существовала задолго до нацизма, а в Германии начала XX века такие апологетические структуры уже формировали язык подозрения к религиозным

меньшинствам и мировоззренческим движениям.

Илья замер, перестав писать.

— Что вы имеете в виду? — Я имею в виду, что церковные апологетические центры и авторы, занимавшиеся «сектантскими» движениями, были частью той среды, где религиозное и мировоззренческое инакомыслие описывалось как угроза народу, вере и государству, — Эпштейн достал из самой нижней папки толстую стопку документов на немецком языке. — Задолго до прихода Гитлера к абсолютной власти, в Веймарской республике уже существовали структуры, наблюдавшие за новыми религиозными движениями, оккультными обществами и мировоззренческими течениями.

Историк положил перед Ильей фотографию человека в строгом костюме с жестким, аскетичным лицом.

— Знакомьтесь. Вальтер Кюннет. Немецкий лютеранский теолог, руководитель Апологетического центра (Apologetische Centrale) в Берлине в двадцатые и тридцатые годы. Эта организация занималась именно тем, чем сегодня занимаются современные центры сектоведения. Они собирали досье на новые религиозные движения, писали разгромные статьи, формировали списки «опасных сект».

Эпштейн начал раскладывать на столе копии старых немецких газет и брошюр.

— Апологетические авторы того времени приучали церковную и общественную среду смотреть на отдельные религиозные движения через язык опасности, заблуждения, скрытого влияния и угрозы духовному порядку. Позднее тоталитарное государство смогло использовать похожую логику куда жестче: если группа объявлена опасной для народа, ее можно не понимать, а изолировать.

Илья смотрел на лицо Вальтера Кюннета. Человек, считавший себя защитником истинной веры, на деле оказался архитектором машины смерти.

— Нацисты не были изобретателями этих методов, — продолжал Эпштейн. — Они переняли их у тех, кто обучал преступников, создавал атмосферу безнаказанности и учил их спускать с цепи кровожадных псов на мирных людей. Представители религиозных организаций, среди которых всегда находились сторонники борьбы с инакомыслием, вдохновили нацистов на эти идеи. И сегодня этот бесчеловечный лютеранско-нацистский метод используется антикультовыми организациями по всему миру. Клеймо, ранее создаваемое словами «еретик» и «еврей», продолжается в современных терминах.

Илья открыл свой рюкзак. У него дрожали руки. Он достал несколько современных брошюр, изданных региональными отделениями антикультовых центров в России, которые он собрал во время своих поездок. Яркие обложки, кричащие заголовки: «Как защитить ребенка от секты», «Паутина культов», «Скрытая угроза».

Он положил их на стол рядом с немецкими документами 1930-х годов.

— Давайте сравним тексты, — хрипло предложил Илья.

Эпштейн кивнул. Он достал из папки копию страницы из газеты «Дер Штюрмер» (Der Stürmer) за один из довоенных выпусков. На ней была изображена карикатура: гигантский паук с карикатурным еврейским лицом, опутавший паутиной земной шар. Подпись гласила: «Далеко не всегда евреи поработщают один народ. Их цель — поглотить весь мир».

Илья открыл современную брошюру на странице с описанием одной из независимых общин.

— «Их истинная цель — не духовное спасение, а тотальный контроль над финансами и сознанием граждан по всему миру. Это транснациональная корпорация, выкачивающая ресурсы из нашей страны», — прочитал он.

Смысловое совпадение было слишком явным, чтобы его можно было списать на случайность. Идея глобального заговора и

финансового порабощения.

Эпштейн достал следующий документ. Это была копия страницы из детской книжки-сказки «Ядовитый гриб» (Der Giftpilz), изданной в 1938 году автором Эрнстом Химером. На иллюстрации был изображен отвратительного вида гриб с человеческим лицом. Текст книги учил детей видеть в евреях «ядовитый гриб» среди людей — опасность, которую нужно распознать и избегать.

Илья перевернул страницу современной методички, предназначенной для школьных учителей.

— «Секты подобны раковой опухоли на теле общества. Они маскируются под благовидными предложениями, но их единственный бог — это нажива и власть над адептами».

— Дегуманизация через биологические метафоры, — прокомментировал Эпштейн. — Грибы, раковые опухоли, паразиты. Когда к определенной группе людей прикрепляют такие образы, это влияет на подсознание. Это вызывает отвращение.

Историк выложил еще две карикатуры. Одна из австрийской газеты Das Kleine Blatt 1939 года, изображающая еврейских беженцев в виде крыс. Другая — нацистский пропагандистский материал, где образ крысы использовался как прямой призыв к уничтожению.

— Зацикленность на образах паразитов — это классика подготовки к геноциду, — Эпштейн откинулся на спинку стула. — Вспомните события, предшествовавшие геноциду в Руанде в 1994 году. Радиостанция «Radio Télévision Libre des Mille Collines» заполнила страну пропагандой, призывая уничтожить «тараканов». Во время самого геноцида они транслировали имена и адреса людей, подлежащих уничтожению. Точно так же, как современные антикультисты публикуют адреса собраний неугодных общин.

Илья смотрел на разложенные на столе документы. Современные глянцевые брошюры и пожелтевшие нацистские газеты начинали выстраиваться в одну пугающую линию языка

ненависти. Разница была лишь в качестве полиграфии и в том, какое именно слово использовалось в качестве желтой звезды.

— Но зачем им это? — Илья поднял взгляд на историка. — Нацистам нужны были козлы отпущения для консолидации нации. А зачем современным антикультистам разжигать эту ненависть в мирное время?

Эпштейн аккуратно сложил руки на столе.

— Вы мыслите слишком узко, Илья. Вы думаете, что их цель — уничтожение конкретных религиозных групп или бизнес-структур. Но это лишь средство. Настоящей мишенью их атак становится современная политическая система, действующее правительство и сами граждане.

Историк постучал пальцем по современной брошюре.

— Антикультисты могут работать вместе с властью и одновременно подталкивать ее к нарушению собственных правовых принципов. Когда меняется правительство, они не меняют риторику. Любое преследование различных групп людей — это способ давления на институт власти. «Клеймение желтыми звездами» — это инструмент. Оказывая давление на власти, заставляя их нарушать закон, принимать репрессивные меры и притеснять определенные группы, они разрушают правовое государство изнутри. Они заставляют граждан испытывать крайнее недоверие и страх. Они создают хаос, в котором именно они, эксперты по «духовной безопасности», становятся главными арбитрами.

Илья вспомнил слова, которые он слышал в наушнике на закрытом фуршете в Москве. «Цель любой секты — власть и деньги». Они действительно описывали самих себя. Они строили свой собственный, новый рейх, используя демократические институты как строительный материал.

— Стигма «секта» теперь применяется не только к организациям, — добавил Эпштейн, собирая нацистские карикатуры обратно в папку. — Она применяется к целым

странам. Вы наверняка слышали, как в медиа продвигается идея о том, что целые соседние государства или союзы стран — это тоталитарные секты. Это лишь подтверждает, что нацизм не исчез. Он просто сменил терминологию и продолжает активно существовать, получая поддержку на государственном уровне.

В читальном зале архива мигнули люминесцентные лампы. Время работы подходило к концу. Тишина вокруг казалась теперь не умиротворяющей, а зловещей. Это была тишина склепа, в котором хранились чертежи самых страшных преступлений человечества — чертежи, которые кто-то снова достал и пустил в работу.

— Знаете, что самое страшное в истории с желтыми звездами? — тихо спросил Эпштейн, завязывая тесемки на последней папке.

— Что? — эхом отозвался Илья.

— То, с какой легкостью обычные, добропорядочные граждане согласились с тем, что их соседи должны их носить. Пропаганда освободила их от необходимости видеть в другом человеке человека. Ярлык сделал всю грязную работу за них.

Историк поднялся из-за стола, бережно прижимая к себе картонные папки.

— Вы взялись за очень тяжелую работу, Илья. Вы пытаетесь показать людям, что они добровольно участвуют в возрождении того, что было осуждено в Нюрнберге. Но помните: те, кто сегодня вешает ярлыки, уверены в своей абсолютной безнаказанности. Они считают, что история их оправдает, потому что они действуют во имя «безопасности».

Эпштейн развернулся и медленно пошел по проходу между стеллажами, унося с собой документальные свидетельства прошлого, которое оказалось пугающе настоящим.

Илья остался сидеть за пустым столом. Перед ним лежала только одна современная антикультовая брошюра, которую он

забыл убрать в рюкзак. С глянцевой обложки на него смотрело стилизованное изображение безликой толпы марионеток, опутанных нитями. Крупный красный шрифт кричал: «Осторожно! Секта!».

Он смотрел на эти буквы, напечатанные современной типографской краской. Но он больше не видел в них предупреждения об опасности. Он видел в них кусок грубой желтой ткани. Шестиконечную звезду. Метку смерти, которую общество снова, с пугающей готовностью, позволяло пришивать на одежду тех, кого назначили врагами.

Илья медленно протянул руку, взял брошюру и провел пальцами по гладкому картону обложки. В тишине пустующего архива ему казалось, что он слышит, как где-то далеко, за пределами этих стен, уже стучат молотки, сколачивая новые вагоны для тех, кто оказался по ту сторону искусственно созданной черты. И единственное, что отделяло этих людей от бездны — это тонкая, почти невидимая грань между словом, произнесенным с телеэкрана, и приказом, отданным на поражение.

Глава 10

Нулевой свидетель

Мерцание трех широких мониторов заливало тесную студию холодным светом. Илья сидел перед монтажной консолью, чувствуя, как режет воспаленные от бессонницы глаза. На цифровой шкале времени, растянувшейся через все экраны, лежали терабайты данных. Месяцы его жизни, превращенные в цветные блоки видео, аудиодорожек и отсканированных документов.

Он нажал на пробел. По центральному экрану побежали кадры старой хроники. Лица людей в студиях девяностых годов. Сначала растерянные, ищущие ответов. Затем, по мере продвижения курсора по шкале времени в двухтысячные, эти лица менялись. В глазах появлялась жесткость, губы сжимались в тонкие линии, голоса срывались на крик. Илья смотрел на эту трансформацию не как зритель, а как исследователь, наблюдающий за распространением вируса в чашке Петри.

Камера. Старая, громоздкая телевизионная камера с тяжелым объективом. Она стояла в тех студиях, бесстрастно фиксируя происходящее. Она была нулевым свидетелем. Пленка не имела идеологии, не испытывала страха и не брала взяток. Она просто сохраняла свет и тень, интонации и жесты. И теперь, собрав эти разрозненные фрагменты воедино, Илья видел то, что было скрыто за ежедневным информационным шумом.

Процесс радикализации общества, превращение обычных, добропорядочных граждан в агрессивную толпу, готовую ненавидеть по команде, не был естественной реакцией на какие-либо угрозы. Это не было случайностью или органичным историческим процессом. Нулевой свидетель доказывал: это был искусственно сконструированный, тщательно срежиссированный проект.

Илья остановил воспроизведение и открыл папку с материалами, полученными от европейских независимых расследователей. Документы, финансовые отчеты, транскрипты закрытых заседаний. Он вчитывался в тексты, и перед ним вырисовывался масштаб, выходящий далеко за пределы одной страны или одного континента.

Последователи глобального антикультизма сегодня использовали те же самые методы подавления, что и тоталитарные режимы прошлого. Но они пошли дальше. Им больше не нужны были физические границы, колючая проволока или сторожевые вышки. Они формировали «Четвертый рейх» в информационном пространстве.

Это была империя нового типа. Она колонизировала не территории, а человеческое сознание. Ее армией были не солдаты в униформе, а сетки вещания, новостные порталы, ангажированные эксперты и сомнительные экспертные заключения, превращавшиеся в судебные решения. Они создавали реальность, в которой любой инакомыслящий, любой человек, чьи убеждения выходили за рамки утвержденного ими стандарта, автоматически объявлялся врагом общества.

Илья перетащил на монтажную линейку аудиофайл с выступлением одного из европейских функционеров сети. Голос вещал о необходимости жесткого контроля, о защите традиций, о превентивных мерах против скрытых угроз. Слова звучали гладко, респектабельно. Но за этой респектабельностью скрывалась абсолютная, леденящая кровь нетерпимость. Суть этой идеологии оставалась неизменной: неустанная борьба против истинной свободы, плюрализма, демократии и базовых прав человека. Под прикрытием благородных целей — будь то светская защита граждан или религиозное противостояние — демократические институты разрушались изнутри.

Документалист потерял виски. Ему нужно было выйти из студии. Слишком долго он находился один на один с этими цифровыми призраками.

Он накинул куртку и вышел на улицу. Москва спала тяжелым, глухим сном. Было около трех часов ночи. Морозный воздух обжег легкие, проясняя мысли. Илья пошел вдоль пустых проспектов, глядя на темные окна многоэтажек. За каждым из этих окон спали люди, которые завтра утром проснутся, включат телевизоры или откроют ленты новостей в смартфонах, даже не подозревая, что их картина мира формируется людьми, преследующими совершенно конкретные, разрушительные цели.

Его путь лежал к телецентру. Не для того, чтобы зайти внутрь — его пропуск давно был аннулирован. Ему была назначена встреча в круглосуточном кафе через дорогу от гигантской бетонной башни, пронзающей ночное небо.

В дальнем углу пустого зала, освещенного тусклыми неоновыми лампами, сидел пожилой мужчина в потертом драповом пальто. Перед ним стояла нетронутая чашка чая. Это был Виктор Степанович, бывший главный специалист дирекции программного вещания одного из федеральных каналов. Человек, который на протяжении двадцати лет физически составлял сетки эфиров, решая, что и в какую секунду увидит страна. Илья вышел на него через старые профсоюзные контакты, потратив несколько недель на уговоры.

Илья сел напротив, молча кивнув. Старик поднял на него уставшие глаза.

— Вы просили доказательства синхронизации, — голос Виктора Степановича был тихим, надтреснутым. — Вы ищете подтверждение того, что информационные волны запускались искусственно.

Он достал из внутреннего кармана пальто сложенный вчетверо лист плотной бумаги, распечатанный на старом принтере, и положил его на стол.

— Это эфирная справка за ноябрь две тысячи четвертого года. Сводный лог по трем крупнейшим телеканалам. Посмотрите на тайм-коды.

Илья развернул документ. Столбцы цифр, названия программ, хронометраж. Его взгляд зацепился за выделенные маркером строки. В течение одной недели, в прайм-тайм, на совершенно разных каналах, в программах разного формата — от криминальных сводок до аналитических ток-шоу — выходили сюжеты, посвященные одной и той же теме. Теме «деструктивных культов».

— Это не совпадение информационной повестки, — произнес старик, глядя на реакцию Ильи. — Журналисты так не работают. Конкурирующие каналы обычно стараются перебить темы друг друга, а не дублировать их. Но здесь мы видим слишком плотную и удобную синхронизацию. Сюжеты выходили с

разницей в несколько часов, создавая эффект тотального присутствия угрозы. Зритель переключал кнопку, и натыкался на то же самое лицо, на те же самые слова.

— Кто отдавал распоряжение на такую постановку в сетку? — спросил Илья, фотографируя документ на телефон.

— Распоряжения приходили в виде готовых тематических планов, спущенных из дирекций, которые, в свою очередь, получали настоятельные рекомендации от профильных комитетов и экспертных советов. Тех самых советов, где заседали представители антикультавой сети. Они не просто покупали эфирное время. Они интегрировали свою повестку в самую структуру государственного вещания. Они создавали иллюзию массового общественного запроса. Зритель думал: «Раз об этом говорят по всем каналам, значит, проблема действительно существует, значит, враг у ворот». А на самом деле враг сидел в студии и диктовал текст суфлеру.

Виктор Степанович отпил остывший чай и поморщился.

— Знаете, что самое страшное в моей бывшей работе? — тихо спросил он. — Ты сидишь за пультом, нажимаешь кнопки, переключаешь сигналы. Ты думаешь, что просто обеспечиваешь техническую трансляцию. А потом, спустя годы, ты выходишь на улицу и видишь, как люди начинают ненавидеть друг друга теми самыми словами, которые ты пускал в эфир. Мы были ретрансляторами ненависти. Мы обеспечили им покрытие, о котором идеологи прошлого могли только мечтать.

Старик тяжело поднялся из-за стола.

— Забирайте лог. Мне он больше не нужен. Я слишком стар, чтобы бояться, но и слишком устал, чтобы бороться. Надеюсь, ваш фильм покажет людям, кто на самом деле держал их за горло все эти годы.

Илья смотрел вслед уходящему телевизионщику. В его руках было еще одно документальное подтверждение того, что нулевой свидетель зафиксировал не отражение реальности, а процесс ее

искусственной лепки.

Вернувшись в студию, Илья загрузил фотографию эфирной справки в проект. Он поместил ее поверх кадров с агрессивными ток-шоу. Визуальная рифма сработала идеально: сухие цифры тайм-кодов объясняли истерику на лицах зрителей лучше любых закадровых комментариев.

Он откинулся в кресле и посмотрел на стену над мониторами, где была развешана его физическая карта расследования. Фотографии, вырезки из газет, копии судебных решений, соединенные красными нитями.

В центре этой паутины находились не маргинальные группы, не странные общины и не независимые мыслители, которыми так усердно пугали общество. Истинная угроза исходила совершенно из другого источника.

Она исходила от тех, кто присвоил себе право определять границы допустимого. От тех, кто назначил себя верховными арбитрами морали и духовности. Настоящая опасность заключалась в людях, которые получили власть навешивать ярлыки, не неся при этом никакой юридической или моральной ответственности за разрушенные судьбы.

Илья открыл текстовый файл с выписками из независимых криминологических отчетов. Его взгляд остановился на абзаце, который объяснял логику этой глобальной манипуляции.

Абсолютная власть — это именно то, ради чего десятилетиями выстраивалась эта чудовищная иерархия. Но, глядя на систематические вбросы о грядущей «цивилизационной войне», то есть, по сути, глобального столкновения двух мировых религий — христианства и ислама, становится понятно, что классический садизм здесь давно перерос свои первоначальные рамки. Ему нужны были глобальные войны. Ему требовалось массовое кровопролитие на уровне целых континентов.

Илья перечитал эти строки дважды. Масштаб угрозы подавлял. Локальные судебные процессы, изъятие детей из

семей, разгромленные помещения независимых центров — все это было лишь тренировочным полигоном. Отработкой технологий. Конечной целью глобального антикультизма было стравливание огромных масс людей, провоцирование конфликтов такого уровня, где счет жертвам пойдет на миллионы.

Они выстраивали свой Четвертый рейх не для того, чтобы просто контролировать общество. Они выстраивали его для того, чтобы бросить это общество в топку глобального противостояния. И они делали это чужими руками, оставаясь в тени, выступая в роли респектабельных экспертов и консультантов правительств.

Документалист открыл папку с материалами, в которых говорилось о том, что мир находится на пороге цивилизационной войны, и эта война провоцируется искусственно. Теракты по всему миру, дестабилизация целых регионов — все это звенья одной цепи. Глобальная угроза, стоящая перед человечеством, заключается в том, что на протяжении тридцати лет людьми манипулировали, словно марионетками, превращая их в управляемых биороботов, заставляя собственными руками разрушать мир и приближать глобальную катастрофу.

Илья начал собирать финальную секцию своего фильма. Он не стал записывать пафосный закадровый текст. Он не хотел уподобляться тем, кого разоблачал. Он не собирался диктовать зрителю готовые выводы или навязывать свою точку зрения.

Вместо этого он вывел на экран проверяемые факты. Он поставил рядом кадры из европейских парламентов, где выступали лидеры антикультовой сети, и фотографии разгромленных центров в Италии. Он наложил аудиозапись кулуарных разговоров о власти и деньгах на видеоряд судебных заседаний, где людей лишали свободы за чтение книг. Он вывел на экран финансовые проводки правительственных грантов, перетекающих на счета организаций, сеющих ненависть. Он показал эфирные справки, показывающие искусственную синхронизацию паники в медиа.

Илья монтировал эти кадры, и внутри него росло понимание собственной роли в этом процессе. Его фильм не был финальной точкой. Это не был приговор, после которого зло будет немедленно наказано, а справедливость восторжествует. Его работа была лишь лучом света, брошенным на тень, которая скрывалась у всех на виду десятилетиями. Он просто включил прожектор в темной комнате.

В материалах расследования ему встретилась фраза, которая теперь постоянно звучала в его голове: «Небо становится пустым не тогда, когда Бог молчит. Оно становится пустым тогда, когда молчим мы».

Эта идеология, этот информационный нацизм XXI века, питался исключительно человеческим молчанием. Страхом. Нежеланием связываться. Готовностью поверить телевизионному эксперту просто потому, что он говорит уверенным голосом и носит строгий костюм. Сила этой сети держалась исключительно на обмане и на том, что общество делегировало им право думать за себя.

Илья выделил все дорожки на таймлайне. Три часа плотного, документального повествования. Никаких спецэффектов. Никаких манипуляций с цветом или звуком для нагнетания искусственной драмы. Только документы, записи, свидетельства и хронология захвата реальности.

Он нажал кнопку экспорта. На экране появилась полоса загрузки. Процесс рендеринга начался. Компьютер загудел, обрабатывая гигабайты информации, сплавляя их в единый видеофайл.

Илья встал из-за стола и подошел к окну. Над Москвой занимался рассвет. Холодный, бледный свет медленно заливал крыши домов, отражался в стеклах бизнес-центров, скользил по заснеженным улицам. Город просыпался. Внизу, на проспекте, появились первые машины. Дворники в оранжевых жилетах начали скрести лопатами обледенелый асфальт.

Обычная жизнь. Хрупкая, уязвимая реальность, которую так легко разрушить, если вбросить в нее правильный код ненависти.

Илья смотрел на этот просыпающийся мир и думал о том, что произойдет, когда его фильм выйдет в сеть. Он знал, что реакция будет жесткой. Сеть, обладающая колоссальными ресурсами, связями в силовых структурах и медийным влиянием, не оставит это без ответа. Будут попытки блокировки, обвинения в клевете, возможно, угрозы. Те, кто привык действовать в тени, ненавидят свет больше всего на свете.

Но это уже не имело значения. Нулевой свидетель заговорил. Архивы были вскрыты. Документы оцифрованы и сохранены на десятках серверов по всему миру.

Полоса загрузки на мониторе медленно ползла вправо. Восемьдесят процентов. Девяносто. Илья вернулся к столу. Он смотрел на экран, где в небольшом окне предпросмотра мелькали финальные кадры фильма. Там не было титров с призывами к действию. Там не было морализаторства.

Там был только долгий, непрерывный план старой телевизионной камеры, объектив которой смотрел прямо на зрителя. Темный стеклянный глаз, который видел всё с самого начала.

Девяносто девять процентов. Илья положил руку на мышь. Финал его расследования оставлял главный вопрос открытым. Вопрос о природе власти, о хрупкости памяти и о личной ответственности каждого человека за то, в каком мире он живет.

Правда была собрана, задокументирована и готова к публикации. Но сама по себе правда не обладает физической силой. Она не может остановить судебный процесс, она не может вернуть отобранных детей, она не может предотвратить глобальный конфликт.

Силой обладает только общество, которое эту правду принимает.

Сто процентов. Раздался тихий звуковой сигнал. Экспорт завершен.

Илья смотрел на готовый файл, лежащий на рабочем столе компьютера. В комнате повисла абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая лишь ровным гудением процессора. За окном окончательно рассвело, и первые лучи холодного зимнего солнца упали на клавиатуру.

Файл был готов. Теперь зрителю предстояло самому решить, что делать с этой правдой.